

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 122 (3623)

Суббота, 13 октября 1956 г.

Цена 40 коп.

Тебе, Отчизна, тебе, советский народ!

Хлеборобы Казахстана, закончив жатву, сдали государству 1 миллиард 340 тысяч пудов зерна. Миллиард пудов! Эта цифра вызывает восхищение и радость в сердцах советских людей. Эту цифру нельзя назвать без волнения. Ведь за ней скрывается поистине огромный творческий, преобразующий труд нашего современника, всего нашего народа. Это — победа мудрой, прозорливой политики нашей партии.

Миллиард пудов! Это столько хлеба, что его с избытком хватит на год одной трети населения нашей Родины. По производству зерна Казахстан теперь после Российской Федерации занял второе место. В этом году республика сдала хлеба больше, чем за предыдущие 11 лет, вместе взятых, до освоения целинных и залежных земель.

За короткий срок — менее чем за три года — сказочно преобразились безлюдные степи. Здесь создано 337 крупных зерновых совхозов, а раньше во всей республике их насчитывалось всего 22.

Там, где еще недавно гнездились непуганые птицы, где росли ковыль да чебрец, ныне возникли поселки городского типа, ярко светят электриче-

ские огни, на бескрайних степях на сотни километров проложены железнодорожные линии и шоссейные дороги.

Наступление на целину увенчалось полным успехом. В Казахстане освоено около 20 миллионов гектаров новых земель. По территории это составило несколько европейских государств.

Труженики сельского хозяйства Казахстана с честью выполнили свой долг перед страной. Их победа войдет яркой страницей в летопись социалистического земледелия, в битву за хлеб в годы шестой пятилетки. «Замечательный пример работников сельского хозяйства Казахской ССР», — говорится в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР, — показывает, какими огромными резервами располагает колхозы и совхозы нашей страны для быстрого решения поставленной XX съездом КПСС задачи — довести ежегодный валовой сбор зерна до 11 миллиардов пудов».

Казахстанский миллиард принят в закрома шестой пятилетки! Приумножается народное богатство, крепнет могущество Родины!

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Казахстанский миллиард

Сергей МАРТЬЯНОВ

Свершилось! То, в чем поклялись казахстанские хлеборобы, чем изо дня в день на протяжении последних месяцев ждала вся наша республика, чего с волнением ждали люди не только на казахской земле, но и далеко за ее пределами, — свершилось. Казахстанский миллиард пудов хлеба сдан государству!

Выписаны последние квитанции. Сплошные последние гектары. Остановились комбайны. Со штурвалов мотков сошли комбайнеры и хлопнули озем шапки: Все! И тишина, непривычная тишина, воцарилась над скошенными полями, над полевыми станами.

Казахстанский миллиард! Совсем недавно для нашей республики такое астрономическое количество хлеба было мечтой, а ныне по производству хлеба Казахстан обогнал исконную житницу страны Украину и вышел по производству зерна на второе место среди всех союзных республик.

Уже немало писалось и говорилось, что степная республика наша стала житницей Родины, главным образом, за счет освоения целины. Да, покорежная целина неизмеримо раздвинула границы казахстанских нив, увеличила их на двадцать миллионов гектаров. Одна лишь Акмолинская область, наиболее насыщенная целинными совхозами, сдала государству хлеба в два раза больше, чем сдавала его вся наша республика до освоения целинных и залежных земель.

Целина сторицей окупилась за все труды и затраты. И тяжкое расставание с домашним кровом, и далекие дороги первых новоселов, и жизнь в походных палатках, и бессонные ночи в борозде, — все, все окупилось. Пятнадцать ашеловнов с хлебом отправляет ежедневно Казахстан братским республикам. Зерно — итог всему.

Но, пожалуй, самый замечательный итог освоения целины, который нельзя измерить ни гектарами, ни пудами, — рост людей. В этой грандиозной битве за хлеб получили небывалую закалку не только опытные, выданные виды механизаторы. Бывшие портнихи и парикмахерши стали отличными трактористками и прицепщицами. Белоручки и маменькины сынки — заправщики хлеборобами. Огнемели первые свадьбы, и родились первые на целине дети. И целинные станицы уже стали называться полями, а новоселы — просто рабочими совхозов и МТС.

...Еще в середине лета стало ясно — урожай на целине будет огромный. И тогда партия бросила клич: «Молодежь, на уборку урожая!»

В Казахстан прибывали добровольные отряды из Москвы и Ленинграда, Киева и Минска, Иваново и Казани... Они насчитывали в своих рядах 360 тысяч рабочих, студентов, служащих. Вместе с ними из тех районов страны, где уборка уже заканчивалась, приехали тысячи комбайнеров с комбайнами, шоферов с машинами.

...В те дни я побывал в колхозах и совхозах Прииртышья. И видел, как работали лафетные жатки. На густую стерню ложился бесконечные уругие валки, в которых зерно дозревало. И видел и работу комбайнов с подборщиками. Там, где дело было организовано правильно, ни одного колоска не оставалось на земле.

Но были в районе люди, которые не верили в раздельную уборку. Не лучше ли сразу пустить комбайны? Лучший вид агитации — наглядный пример. И первый секретарь Таврического райкома партии Степан Иванович Иванов провел практический семинар по раздельной уборке. Он собрал районный актив, продемонстрировал им сначала работу лафетных жаток, а потом — комбайнов с подборщиками. Даже заядлые скептики согласились: чистая работа!

Да, велики преимущества раздельного комбайнирования. В зерносовхозе «Московский» Кустанайской области за пятнадцать дней раздельным способом скошили всю площадь зерновых. Это позволило собрать 162 тысячи пудов зерна дополнительно и получить 1300 тысяч рублей сверхпланового дохода.

Наблюдая за работой многих комбайнеров, я старался понять: в чем особенность этой профессии? И, на мой взгляд, особенностей у этой профессии две — ювелирное искусство в уборке, хлебов и невероятно быстрый темп работы.

Вспоминается день, проведенный на штурвалном мостике с Александром Емельяновичем Фесиком — одним из лучших комбайнеров Прииртышья. Не все

гладко шло на первых порах. Фесичу то и дело приходилось останавливать машину, прыгать с мостика, что-то там подкручивать, подправлять. Он возвращался на мостик, стремительный и молчаливый, не обращая на меня никакого внимания. Все внимание Фесика было устремлено туда, где мелькали лопасти мотвила и зубья жатки. Под их ударами падали стебли пшеницы, покороно ложился на ленту хедера и бесконечным потоком неслись к молотилке.

Вскоре первый бункер наполнился зерном. И тут произошла досадная задержка. Комбайн встал, а машины не было, чтобы разгрузить бункер. Прошло пять, десять, пятнадцать минут...

— Вот всегда так! — усмехнулся Фесик и накинута на подвешенного шофера Семена Поровайцева: — Почему опоздал? Тот с досадой махнул рукой.

И снова комбайн тронулся, и снова застрекотала жатка. Те места, где пшеница была ниже и пореже, машина проходила на полной скорости, а там, где хлеба росли высокие и густые, Фесик притормаживал, но зато увеличивал число оборотов.

— Не благодарствуйте! — укорял комбайнер своих помощников. — Отдыхать потом будем, когда миллиард сдадим!

Таким и остался в моей памяти этот человек: стремительный, терпеливый, стойкий...

Это комбайнер. А что можно сказать о водовозе? Оказываются, очень много. Когда в страдную пору уборки я приехал во вторую бригаду целинного совхоза имени Калининна и спросил у бригадирки Виктора Савича, кто из его бригады самый популярный и работящий человек, он, не задумываясь, ответил:

— Воловоз Анатолий Командышко. И вот эта следующая глава жизни утром я познакомился с черноглазым паренком в синем лыжном костюме.

Полевой стан только-только еще просыпался, а Анатолий уже возился около своих лошадей. Он запряг повозку и с двумя бочками отправился за водой.

На полевом стане повараха Мария Кирилловна Кушоренко, женщина строгая и своерубая, воевавшая на фронте старшей казачьей сотни, пять раз раненная и отмеченная несколькими боевыми наградами, с приветливой улыбкой встретила водовоза:

— Ты у нас, Анатолий, прямо справный казак! Только подумала, что вода нужна, а ты тут как тут.

Во второй рейс Командышко отправился за иртышской водой, нужной для заправки тракторов и комбайнов. Обратный путь теперь был длиннее и извилистее — от агрегата к агрегату, а их в бригаде целых пять. Пять тракторов и пять комбайнов работали на косовице хлебов, и каждому нужна была вода.

Приехал, сынок? Ну, давай, давай водичку, — говорит Филимон Амосович Ларионов, старый опытный комбайнер. Пока агрегат заправляется водой, Анатолий спрашивает:

— Дядя Филимон, сколько скошили? Через минуту Командышко уже едет в агрегат Николая Лапченко, еще лишь только первый сезон управляющего комбайном, и опять спрашивает:

— Сколько накосил? — Четыре с половиной. А что? — Дядя Филимон тебя обогнал. — Так то же Ларионов! Он на комбайне пуд соли съел! — горячится Лапченко, но в глубине души понимает, что все-таки горячиться напрасно, что нужно потянуться и обогнать старика.

А водовоз подвезает к третьему, четвертому, пятому агрегату и находит, что сказать каждому комбайнеру, сообщить какую-нибудь новость, проинформировать, как идут дела у товарищей. Словом, получается нечто вроде живой газеты.

Рубрика «Сладин государства миллиард пудов зерна» не сходила с полос республиканских газет. Публикуемые сводки о ходе уборки и сдачи зерна государству читались, как сообщения Советского Информбюро о наступлении наших войск. Сначала Джамбульская область, потом — Западно-Казахстанская, Актыубинская, Восточно-Казахстанская и, наконец, блестящие победы Акмолинской, Кустанайской и Кокчетавской областей!

И еще одни сводки волновали всех — сводки погоды. Только бы не было дождей, только бы не повалил снег!

Будущий романист напишет книгу о том, когда кустанайские коммунисты объявили ударный декаданс по завершению уборки, комбайнеры, трактористы и шоферы стали работать по 22 часа в сутки, а зерноочистительные бригады перешли на круглосуточную работу. Так было по всей республике.

Комбайнеры скачивали по 40—60—80 гектаров. Акмолинский комбайнер Герой Социалистического Труда Григорий Зубков убрал 2470 гектаров, кандидат сельскохозяйственных наук Александр Оскин на полях Кустанайщины намолотил своим комбайном 56 700 пудов зерна. Таких рекордов не знала еще наша страна.

Великая цель всколыхнула широкую творческую инициативу у самых простых людей. Во многих местах были сконструированы оригинальные зерносушилки, механизмы для разгрузки машин и т. д.

Уже много писалось о самоотверженном труде молодых добровольцев, приехавших на уборку по призыву комсомола. Мне хочется сказать лишь вот о чем. Тысячи юной и девушке прошли на токах и комбайнах замечательную школу жизни. Это были такие универсальные мужества, товарищества, дисциплины, с какими не могут соперничать никакие воспитательные меры.

Наши молодые друзья оставили о себе прекрасную память. Земной поклон вам, друзья, за все!

Земной поклон и вам, молодые посланцы Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии и Румынии. Мы не забудем вашей помощи никогда.

Как же отблагодарила земля людей за их великие труды? Вот несколько цифр и фактов: в Кустанайской области в колхозах зоны Тобольской МТС собрано в среднем по 122 пуда с гектара, в Федоровском совхозе — 133 пуда, в колхозе имени Шевченко — 180 пудов. В Акмолинской области нет ни одного колхоза, доход которого был бы ниже двух-трех миллионов рублей. За две декады сентября потребкооперация продала колхозам 700 грузовых машин. Зажиточно будут жить колхозники, справившие нынешний урожай! Семья Василия Горюченко получила на трудодни 55 центнеров зерна и 4200 рублей, семья Раисы Репи — 73 центнера зерна и 5500 рублей, семья Марии Грех — 130 центнеров зерна и 13 700 рублей. И таких семей тысячи!

...Казахстанец-богатырь положил свой миллиард на весы раньше, чем сибиряк. Было бы очень хорошо, если бы теперь он помог своему соседу. Помог комбайнами, автомашинами, людьми...

Разумеется, я не рассказал и тысячной доли того, что должны знать современники о подвиге героев — покорителей целины.

АЛМА-АТА

Японский премьер-министр г-н Ичиро Хатояма — в Москве

Вчера в Москву для продолжения переговоров с правительством СССР о нормализации советско-японских отношений прибыл премьер-министр Японии г-н Ичиро Хатояма. Встречать главу японского правительства на Центральном аэродроме прибыли руководители Советского государства, представители обществественности столицы, журналисты.

Предстоящие советско-японские переговоры на высшем уровне — важное событие в истории отношений между двумя государствами. В нормализации советско-японских отношений заинтересованы народы, ибо это отвечает задаче укрепления всеобщего мира. Заключение мирного договора положило бы конец непомерно затянувшейся юридическому состоянию войны между Советским Союзом и Японией и открыло бы широкие возможности для всестороннего экономического и культурного сотрудничества между двумя соседними странами.

Советские люди высоко ценят вклад талантливого трудящегося японского народа в развитие науки и культуры. Японская общественность в свою очередь проявляет большой интерес к достижениям советской культуры. Нормализация отношений позволит развернуть широкий культурный обмен между нашими странами.

На протяжении переговоров Советский Союз не раз демонстрировал свою добрую волю и дружбу к японскому народу. Общественность обеих стран надеется, что такую же добрую волю проявит на предстоящих переговорах в Москве и японская сторона.

ГЕРОИ ЦЕЛИНЫ О СЕБЕ

Алексей КОЖЕВНИКОВ

В совхозе «Восход» жатву и сдachu хлеба государству. По этому случаю был назначен митинг. Клуб не вмести всех пришедших, и митинг перенесли на площадь. Сначала выступали с отчетами бригады, директор, парторг, главный агроном, затем все, кто хотел. Вот на трибуну, сложенную из щитов сборного домика, поднялся молодой тракторист Горбачев, два года назад переселившийся на трактор из десятого класса московской школы.

— Товарищи, сегодня у нас находится писатель. Я думаю, что не будет беды, если мы поговорим здесь о литературе. Этот вопрос волнует многих целинников.

Собрание поддержало Горбачева дружными аплодисментами. Он продолжал:

— Одно из самых крепких дел человеческих — слово. С лица земли исчезли многие города, царства и даже целые материки, как Атлантида, а слово о них живет. Товарищ писатель, я обращаюсь к вам и к другим писателям нашей страны: скажите народу честное, правдивое, крепкое слово о целине! О нас пишут, и немало. Но почему на главное место выдвигают баян, песни, танцы, счастливый смех? Суrowая целина выглаживает, как агародная лужайка в выходной день, освоение целины — астралиным спектаклем, где все легко, весело, гладко, все делается, как в сказке.

Все это — розовая липа. Верно, у нас бывают и песни, и смех, и танцы: мы ведь живые люди, молодежь. Но бывают и огорчения, и слезы, и тоска.

И не все идет легко. Наоборот, больше трудно. Попасть из большого, благоустроенного города в пустынную степь, расстаться надолго, может быть, навсегда с родными, с друзьями, оставить прежние мечты и найти новые... Говорите, кому это легко!

Площадь затихла.

— А пахать денно и нощно вековую целину, по двадцать часов в сутки, работать на комбайне, долбить в мерзлой земле котлованы, ломать камень, делать любую работу без разбора, кому какая выпадет, делать в жару и в холод... Было так «легко», что многие не выдержали, уехали домой. Но тем больше чести и славы тому, кто вынес, поборол все, увенчал наше дело великим урожаем!

И гладко было не все. Видали, конечно, как в ненастную погоду грязь облепляет и засасывает колеса машин. Вначале к нашему делу прилипла и всякая грязь: лентяи, пьяницы и рвачи.

А есть люди, которые хотят прикрыть это розовой липой. Кто бы ни были они, чем бы ни вдохновлялись, пусть даже самым бескорыстным желанием добра, — все равно они делают зло. Они оскорбляют нас, труженников целины, умаляют наше дело. Вот оно, смотрите, товарищ писатель! — Горбачев сдернул порывчатую промашину и пропылесосил кепку, как был из засохшей грязи, и начал размахивать ею во все стороны: на беленные новые юбки, на ржавые каменно-железные котлованы, на бунты зерна, на скошенные желтые просторы, равные матерку! — Поклонники розовой липы оскорбляют народ, который послал нас сюда, дал нам все для великой борьбы и победы, окружил отеческой любовью и заботой. Где же народный подвиг, если все будто бы нам досталось легко и просто!

Горбачев сменяла Лукина, девушка-огородница, густо покрытая по лицу и рукам радужными веснушками.

— Я хочу добавить о героизме и героях. У нас часто героям меряют на пуд и на метр. Вспыхнул тракторист или намолотил комбайнер двести норм, его на всех собраниях во всех газетах величают героем, ему дают премии и самые высокие награды. Я не против, это справедливо. Но в нашей жизни много и такого героизма, который не взвесится на пуды и не измерится ашпичном. У меня есть подруга. Она была студенткой, когда партия позвала нас на целину. Она оставила вуз и приехала. Многие и здесь хотели устроиться попутчице: в трактористы, в прицепщицы... А эта девушка сказала: «Я пойду куда угодно. Я хочу, чтобы по всей нашей стране — и на жарком, засухлившем юге и на холодном севере — у всех на стоде было много хлеба... Остальное для меня не имеет значения».

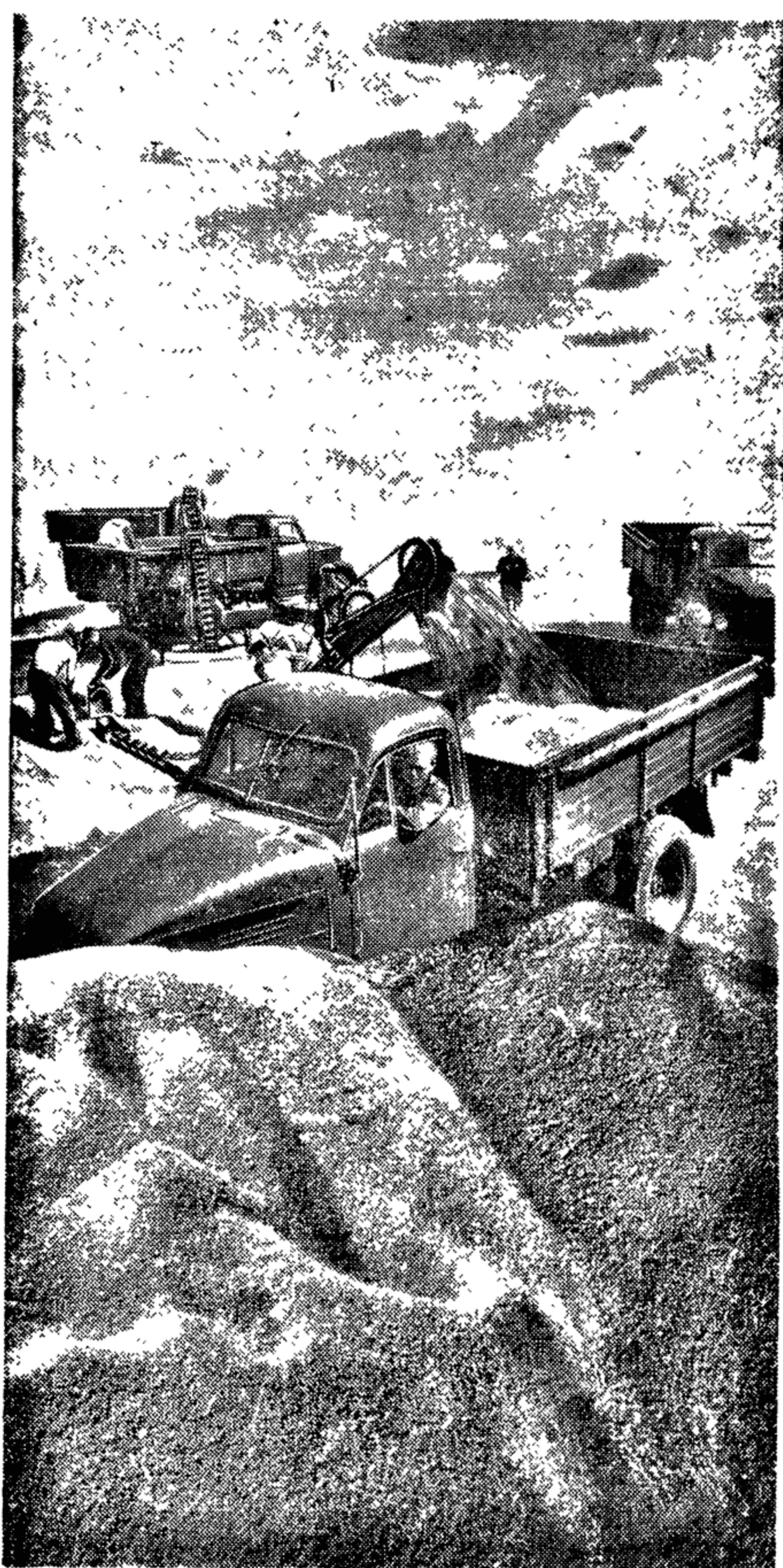
Ее поставил поварихой в бригаду Два года работает она там, и все время бригада занимает первое место в нашем совхозе. Скажите, разве эта повариха не героиня?

АЛМА-АТА

Г-н Ичиро Хатояма

Г-н Ичиро Хатояма

Золотой поток. Ни на один час — ни днем, ни ночью — не приостанавливалось движение хлеба от комбайнов на тока и элеваторы. И не только в совхозе «Урнекком» Кустанайской области, о чем рассказывает публикуемый снимок. Это была народная битва за хлеб, в которой принимали участие тысячи механизаторов совхозов и МТС, учащиеся, рабочие промышленных предприятий. Работная весть облетела всю страну: хлеборобы Казахстана засыпали в закрома Родины миллиард пудов хлеба. Фото С. Фридриха

Урожай

Если б паводком бурным разлилось зерно Казахстана, — всю бы землю покрыла соборная волна!

Злобный ропот врагов, Клевету потопила б она, Нашу радость несла Через страны, моря, океаны.

Если б хлебная эта сквазь степи катилась река, — Ручейком бы Иртыш показался в сравнении с нею, Если б сыпать зерно в одну гору, —

Пронзила б она облака, Золотую вершинку, Над Азией всей пламена.

Нет, не место фантазиям! Вымысла нужен ли взлет? Жизнь — куда интересней мечты, даже самой крылатой.

Урожай небывалый, В просторах Отчизны растет, Урожай наших дел, Наших дум и свершений богатых.

Оттепнула бурны и снег растопила весна, В неоглядную даль, в беспределье поля расплескались.

Перевел с казахского Илья АВРАМЕНКО

День золотого зерна

13 октября. Город проснулся рано. Лучи солнца, вырвавшись из рассеяния могучего Ала-Тау, ярко заиграли на золотистых листьях березы и тополей, на алых лоточниках транспарантов, плакатов, панно.

Прекрасен город в эту осеннюю пору, сады оделись в сказочный наряд. С гор дует ветерок, напоенный ароматом созревших плодов. Улицы многолюдны, блестят вымытые асфальты. Из репродукторов звучит торжественный марш. Только что было передано приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР трудящимся Казахстана, тем, кто работает на полях республики и чьими усилиями был сдан государству миллиард пудов зерна.

Я иду по улице, то и дело слышатся радостные приветствия: «С праздником золотого зерна!», «С миллиардом!».

В Казахстане сегодня праздник. Пройдены этапы большого, трудного, но славного пути. Начиная с сентября 1953 года, когда было опубликовано историческое Постановление ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», и по сей день продолжалась битва за урожай. И вот победа!

Со всех концов Советского Союза, из стран народной демократии, от деятелей науки и культуры, из различных организаций непрерывным потоком поступают на алма-атинский центральный телеграф поздравительные телеграммы.

А. АЛИМЖАНОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» АЛМА-АТА. (По телефону)

СОСЕД ПО КАМЕРЕ

Константин СИМОНОВ

3 марта этого года в «Литературной газете» была напечатана статья Юрия Королькова «По следам песни Джалалия». Корольков рассказывал в ней о встрече со старшим Талгатом Гимрановым, сидевшим в одном лагере с Мусой Джалилем. Гимранов переписал и сохранил несколько стихов Джалалия, написанных в фашистском концлагере. В последний раз Гимранов видел Джалалия летом 1943 года, когда подпольная организация, работавшая в лагере, проводила по организации были схвачены гестапо и увезены в Берлин. На этом закончилась рассказ Гимранова о Джалалие. «Мы еще и сейчас не знаем много о жизни героя-поэта», — так заключил свою статью Корольков.

Мне хочется рассказать здесь о том новом, что мне удалось узнать о Джалалие, продолжая те коллективные розыски, которые были начаты другими товарищами.

В НАЧАЛЕ сентября, на Международном поэтическом фестивале в маленьком бельгийском курортном городке Брюкхе, мне довелось в качестве члена советской писательской делегации проехать с трибуны фестиваля писмо вдовы Мусы Джалилия. В этом письме она рассказывала о благородном поступке находившегося в фашистской тюрьме в Берлине вместе с Мусой Джалилем бельгийского патриота Андре Тиммермана, спасшего для литературы рукописи тюремных стихов этого замечательного татарского поэта, и передавала в дар бельгийским поэтам, соотечественникам Тиммермана, книги стихов Джалилия.

Через два дня после окончания фестиваля я встретился с известным бельгийским поэтом, членом Бельгийской академии наук Роже Бодаром, и попросил его помочь мне в розысках Андре Тиммермана. Об Андрее Тиммермане было известно немного: то, что он сидел в немецкой тюрьме в Берлине в 1944 году, то, что он после войны передал тетрадь стихов Джалилия советским людям, и то, что его фамилия распространена в Бельгии так же, как у нас распространены фамилии Петров или Кузнецовы.

С некоторым сомнением в успехе розысков, подчеркивая это последнее обстоятельство, Роже Бодар, однако, сказал, что он сделает все возможное, чтобы разыскать Андре Тиммермана.

— Может быть, вы хотя бы приблизительно знаете его возраст? Это сильно облегчило бы поиски, — сказал Бодар.

Но я не знал возраста Тиммермана. В «Моабитских тетрадях» Джалилия были стихи, посвященные Тиммерману, но не было никакого намека на его возраст.

— Хорошо, если он был тогда молод, — сказал Бодар. — Так или иначе, в 1944 году прошло двенадцать лет, а люди, к сожалению, смертны.

Через два дня после этой встречи я получил через наше посольство в Бельгии любезное письмо от одного из сотрудников бельгийского министерства иностранных дел М. Р. Харремаса, который сообщил мне, что по просьбе Роже Бодара, он навестил справки и предполагает, что тем Тиммерманом, которого я разыскиваю, может оказаться Андре Тиммерман, бельгиец, родившийся 5 декабря 1917 года во Франции, арестованный гестапо в 1942 году и заключенный в одну из берлинских тюрем. Пять лет назад этот Андре Тиммерман жил в Бельгии в городе Тирелемоне, на улице Виктор Бодуэн, дом номер 51. В заключение господин Харремаса выразил надежду, что мои поиски окажутся успешными.

С чувством благодарности к нему и к Роже Бодару, поспешившим прийти мне на помощь, я на следующее же утро выехал в город Тирелемон в сорочке с небольшим километрах от Брюсселя. Поколевив некоторое время по узким улочкам старинного маленького городка, мы разыскали дом номер 51 по улице Виктор Бодуэн.

Итак, нам предстояло сейчас узнать: живет ли здесь Тиммерман, проживавший тут пять лет тому назад, а если живет, то окажется ли он именно тем человеком, которого я ищу? От ответа на этот вопрос зависел ответ на другой вопрос — узнаем ли мы что-нибудь о Мусе Джалиле из уст свидетеля или по-прежнему единственным рассказчиком о последнем годе жизни поэта останется его «Моабитская тетрадь».

Домик был небольшой, двухэтажный. Единственная дверь вела в вынужденный магазинчик с бутылками на окнах и узкой деревянной стойкой.

Мы вошли и увидели за стойкой милую женщину, в ответ на наш вопрос сказавшую, что Андре Тиммерман живет здесь, что это ее муж, что он пошел погулять с детьми ее сестры и с минуты на минуту вернется.

Не прошло и нескольких минут, как Тиммерман действительно вернулся. Мы сказали ему о цели своего приезда и по словам же его словам поняли, что это был тот самый Андре Тиммерман — он сидел в тюрьме с Мусой Джалилем, знал его и готов был рассказать о нем все, что сохранилось в памяти.

Мы прошли вместе с Тиммерманом в заднюю комнату, за магазином, а достал блокнот и по старой журналистской привычке почти топографически быстро, стараясь не пропустить ни слова, стал записывать подряд все, что в ответ на мои вопросы вспоминал о Мусе Джалиле Тиммерман.

Но сначала — о рассказчике. Андре Тиммерман, высокий, худощавый, чуть-чуть сутуловатый, черноволосый человек, скромный, даже пожатый, застенчивый, старательно и напряженно вспоминая каждую подробность, связанную с Мусой Джалилем, в то время неохотно и немногословно говорит о себе: да, он был в движении Сопротивления, да, он был и остается антифашистом, но не принадлежал и не принадлежал ни в какой партии. В 1942 году его, очевидно, по чьему-то почину, арестовали немцы. Сейчас он работает клерком, а жена и ее родственники содержат этот маленький магазинчик, через который мы проходили.

Вот, пожалуй, и все, что он рассказывает о себе в связи с Мусой Джалилем, а остальное мы узнаем мимолетом, попутно, тогда, когда он вспоминает о Джалиле.

Жизнь Мусы Джалилия принадлежит истории нашей литературы. Возле него, которого я испытывал, слушая рассказ о

последних месяцах его героической жизни, понятно каждому. Но я думаю, читателю гораздо дороже, чем мое волнение и чем мои ощущения, сами факты. В них вся суть, потому что они и есть история. Поэтому мне кажется правильными, без литературных прикрас и отступлений, простодушно, познать читателя с теми ответами, которые Андре Тиммерман мне дал на мои вопросы о Мусе Джалиле. Их приведу именно в таком виде, в каком они были мною записаны во время нашего разговора. Больше того, я дам их именно в той последовательности, в какой они были записаны. Мне кажется, тогда перед глазами читателя весь этот разговор предстанет в более живой и непосредственной форме.

Вот он, этот разговор.
Я: Когда вы познакомились с Мусой Джалилем?
Тиммерман: Я познакомился с Джалилем в конце 1943 или, пожалуй, в самом начале 1944 года. Это было в Берлине, в тюрьме на Лертнерштрассе.

Я: Джалиль оказался в тюрьме раньше или позже вас?
Тиммерман: Джалиль уже был в камере, когда меня туда привели немцы. Он сидел там взоим с одним немецким солдатом польского происхождения, родом из Силезии. Этот солдат уходил на целые дни из камеры, он работал на кухне в какой-то другой тюрьме, и его утром уводили туда, а вечером приводили оттуда, поэтому я по целым дням бывал взоим с Джалилем.

Я: Как вы объяснялись с Джалилем?
Тиммерман: Это было очень трудно, потому что я знал французский и немного немецкий, а Муса Джалиль знал только русский и татарский, но нам хотелось говорить друг с другом, и мы старались это делать. В нашу тюрьму приходила газета «Фельшпер беофактер», которую раздавали заключенным. У этой газеты были довольно широкие поля. Мы обрезали их и, скрепив, делали из них узенькие тетради. (Тиммерман показывает пальцами, какой ширины были эти тетради.) Я и Джалиль рисовали на этих тетрадках разные предметы и каждый раз говорили друг другу, как этот предмет называется: Джалиль — по-русски, а я — по-французски, и оба заучивали эти слова. То есть тетради мы делали не сразу, а сначала рисовали и записывали слова на отдельных листочках, а потом уже переписывали их в тетрадь. Эти тетради пропали у меня потом, когда немцы перевели меня в другую тюрьму.

Джалиль записывал мне перевод слов по-русски латинским шрифтом, чтобы я мог их легче читать. Труднее всего было с отвлеченными понятиями, но тут по вечерам, когда он возвращался с работы, нам помогал поляк. Поляк говорил с Джалилем по-польски, они немного понимали друг друга, а потом поляк старался объяснить мне это по-немецки. Я, как вам уже сказал, немного понимаю немецкий. Таким образом, мы при помощи польского и немецкого языков переводили отвлеченные понятия с русского на французский, и наоборот.

Я: Сколько времени вы находились в одной камере с Джалилем?
Тиммерман: Но могу точно сказать, кажется, несколько месяцев. Тюремные дни похожи друг на друга, трудно точно сказать, сколько их было.

Я: Были в этой тюрьме другие советские люди, кроме Джалилия?
Тиммерман: Тюрма была большая, я не мог знать всех заключенных, но в двух соседних с нами камерах — слева и справа — сидело еще двое татар. Одного звали Абдула Булатов, а другого — Алишев. Этот Алишев, кажется, если мне не изменяет память, раньше, до войны, писал сказки для детей. Мне об этом рассказывал Муса Джалиль. Вместе с этими татарами в каждой камере сидело по бельгийцу. Эти бельгийцы были мои знакомые, они были оба арестованы в один день со мной, по тому же делу, что и я. Мне хотелось как-нибудь связаться с ними, а Джалилю — со своими товарищами-татарами. Мы хотели пробить хоть небольшие отверстия в стенах, чтобы просовывать записки, но у нас не было для этого инструментов.

В нашей тюрьме заключенным, если они просили об этом, иногда давали работу и инструменты для работы. Мы с Джалилем попросили дать нам работу, надеясь получить при этом какой-нибудь инструмент, которым можно ковырять стену. Наши надежды оправдались, нам приказали вырезать пазы на деревянных круглых крышках (не знаю, для чего и куда шла эта деталь). Для работы нам дали несколько инструментов, в том числе небольшую стамеску. Этой стамеской мы и стали ковырять стену.

Сначала мы стали долбить стену, отделившую нас от камеры, где сидел Булатов. Возле этой стены стояла тюремная параша на трех деревянных ножках. Одна из ножек почти вплотную подходила к стене и прикрывала кусок ее. Именно там, за этой ножкой, мы и стали ковырять стену так, чтобы дырка оставалась незаметной. Нам повезло — с самого начала мы попали в щель между двумя кирпичами: стена была толстая, в полметра; мы долбили ее много дней, но помню сколько. Уходя на прогулку, мы с Джалилем каждый раз выносили по горсти щебня и по немножку, незаметно высыпали его на землю на тюремном дворе. Наконец, мы пробрались укажу щель и с этого дня стали разговаривать — я со своим товарищем-бельгийцем, а Джалиль с Булатовым.

Через несколько дней после того, как мы пробрались отверстие в одну камеру, немного отдохнув, мы начали долбить отверстие в другую. На этой стене находилось отопление, и хотя там было очень неудобно работать, но мы все-таки старались пробить дырку за трубами отопления, чтобы ее не было видно. Нам показало с Джалилем, что вторая стена тверже, чем первая, а может быть, мы просто устали. Джалиль говорил мне, что ему очень хочется поговорить с Алишевым, сидевшим за этой стеной, но довести дело до конца нам так и не удалось. Однажды за Джалилем пришли конвоиры и увезли его в Дрезден, на суд.

Я: В этот день вы в последний раз видели с Джалилем? Он уже не вернулся в тюрьму?
Тиммерман: Да, он больше не вернулся туда, но я его видел еще один раз потом, в тюрьме в Шпандау. Тюрма, где мы сидели, вообще была гражданская, но одно крыло — наше — было отведено под военную тюрьму для подсудимых. Татары, которые сидели в соседних камерах, тоже были отправлены на суд в Дрезден. Джалиль говорил мне, что они сидят по одному делу с ним.

Я: А как и когда вы встретились с Джалилем в тюрьме в Шпандау?
Тиммерман: Не могу сейчас вспомнить точно, но кажется, что в августе 1944 года, в связи с покушением на Гитлера, все политические заключенные были извезены из берлинской тюрьмы, где мы сидели, и переведены в Шпандау. Через несколько дней после того, как я очутился в Шпандау, утром, во время прогулки по тюремному двору, я услышал чей-то голос, кто-то привлекал мое внимание, шепотом говоря: «Пст... пст...». Я долго озираюсь, но никого не заметил. Через день, на прогулке, я снова услышал этот звук. Одна нижнего этажа тюрьмы были расположены сравнительно невысоко, они открывались внутрь, оставляя узкую щель. И вот я вдруг увидел в такой щели голову Джалилия, верней, не всю голову, а только часть лица, потому что щель была очень узкая. Я продолжал ходить по кругу — останавливаться было нельзя. Сделав круг, я снова поравнялся с этим окном и, нагнувшись, сделал вид, что завязываю шнурок на ботинке. Я стоял наклонившись и не видел в то мгновение Джалилия, но слышал его голос, он сказал мне шепотом по-немецки, что суд состоялся и что ему отрубят голову.

Я: И это была ваша последняя встреча с Джалилем?
Тиммерман: Нет, мне очень хотелось познакомиться и поговорить с ним, и я стал узнавать через товарищей, в какой день заключенные того крыла, где находился Джалиль, ходят в душ. В это время тюрма была перегружена после покушения на Гитлера, и в ней царил беспорядок. Хотя я сидел в другом крыле, но мне удалось попасть в тюремный душ в то же время и час, когда там мылись заключенные из другого крыла. Там я увидел Джалилия и, пока мы стояли рядом и мылись, десять минут говорил с ним. Джалиль сказал мне, что он и все его товарищи-татары приговорены к смертной казни.

Я: А о чем вы еще говорили с Джалилем?
Тиммерман: Больше ни о чем. Хотя мы были рядом с ним десять минут, но говорить было почти невозможно, кругом были люди, нам мешали.

Я: Джалиль сказал вам о себе и своих товарищах-татарах; очевидно, по тому процессу, по которому их приговорили к смертной казни, сидели именно татары?
Тиммерман: Да, я думаю, что по этому процессу все осужденные были татары, я не слышал от Джалилия ни о ком другом.

Я: После этого свидания в тюремной бане вы уже не видели Джалилия?
Тиммерман: Нет. Через несколько дней я был переведен в лагерь Луккау.

Я: А когда Джалиль передал вам свою тетрадь, которую вы сохранили?
Тиммерман: Это было примерно за полмесяца до того, как его отправили на суд в Дрезден. Он передал мне маленькую тетрадку, сделанную из почтовой бумаги, которая провалилась в тюремной ловушке.

Я: Почему он передал вам ее именно тогда? Он уже тогда ждал, что его казнят?
Тиммерман: Да, он уже залогом да суд был уверен, что его казнят. Он несколько раз совершенно спокойно говорил мне о том, что у него нет ни малейших сомнений в этом счете. В то же время, когда он мне передал тетрадь, Джалиля вызвали на начальную тюрьму. Точно не знаю зачем, но, кажется, требовали подписать какую-то бумагу. Когда он вернулся из тюремной конторы, он подошел ко мне, дал мне тетрадь и попросил, если я останусь жив и вернусь домой, сохранить ее и передать после войны в советское консульство в той стране, где я окажусь.

Я: Как вам удалось сохранить и передать тетрадь?
Тиммерман: Когда меня перевели в Шпандау, я взял ее с собой — спрятав в одежде, а когда мне объявили мой новый приговор — пять лет каторги, то на следующий день после приговора я, как и все другие, должен был пойти в тюремную контору и сдать все лишнее. Мы уже были не подсудимые, и нам выпращало иметь лишние вещи. Например, у меня было две пары носков, я должен был оставить только одну, было две рубашки — оставалась только одна. Кроме того, у нас вообще забирали все мелочи. Я собрал вещи, которые мне нужно было сдавать, и засунул в них тетрадку Джалиля так, чтобы ее не сразу было видно, но чтобы в это время и не было впечатления, что я ее спрятав специально. Вместе с ней я засунул молитвенник, который мне дал в берлинской тюрьме немецкий священник.

В этом молитвеннике две первые страницы были написаны стихами Джалилия, которые он написал мне в подарок. Немцы начали составлять инвентарную опись вещей. Они увидели среди других вещей молитвенник и тетрадку и записали их тоже, спросив меня по тетради: «Что там такое?». Я сказал, что это мой дневник, а они сдуру, на мое счастье, не обратили внимания, что в тетрадке записки не на немецком и не на французском, а на другом языке. Впрочем, они спешили, они в тот день отправляли много людей.

Там же вместе с тетрадкой и молитвенником была еще и безопасная бритва и некоторые другие мелочи. Все это вместе с инвентарной записью, согласно заведенному порядку, немцы отправили домой, моей матери. У меня где-то сохранилась эта инвентарная запись, может быть, я даже ее найду. (Тиммерман приносит папку с разными пожелтевшими бумажками, долго роется в ней, но так и не находит этой инвентарной записи.) Посылка с моими вещами, с молитвенником и тетрадкой Джалилия, пришла к моей матери, и она хранила все это до моего возвращения домой после войны. Когда меня отправили из тюрьмы в концлагерь, мне разрешили написать матери письмо. Я не мог написать ей прямо, но постарался дать понять, чтобы она во что бы то ни стало сохранила эту тетрадку и молитвенник.

Когда я вернулся, оказалось, что молитвенник пропал, но знаю, как это произошло, а тетрадь сохранилась, и я ее передал в советское посольство. Сам я не (Окончание на 4-й стр.)

Иллюстрация к журналу А. Лынькина к книге Анастасии Александровны «Два почерка», которая выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Съезд интеллигенции Узбекистана

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). С утра 11 октября улицы города наполнили, наряду с жителями узбекской столицы, самаркандцами, бухарцами, ферганцами, каракалпаками — свыше 1200 представителей всех областей республики, приехавших на съезд интеллигенции Узбекистана.

К зданию Концертного зала имени Свердлова, где проходил съезд, подходили делегации Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, делегации интеллигенции Москвы. На съезд приехал министр культуры Н. Михайлов.

Собравшиеся у здания консерватории тащентцы горячо приветствовали и зарубежных гостей — из Китайской Народной Республики, Индии, Корейской Народной Демократической Республики, писателей Египта.

В 10 часов утра председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Рашидов открыл съезд. Он приветствовал его делегатов — инженеров, техников, ученых, писателей, врачей, агрономов, учителей, деятелей искусства. Весь зал стоя аплодировал зарубежным гостям, приглашенным занять места в президиуме.

На съезде с докладом об исторических решениях XX съезда КПСС и задачах интеллигенции республики выступил первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана Н. Мухитдинский.

Начался пленарный съезд интеллигенции — большое событие в общественной и культурной жизни Узбекистана.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Окружить садами могилы героев

В нашей стране воздвигнуто много памятников героям Великой Отечественной войны, нашим боевым товарищам на оружии, павшим смертью храбрых в боях за Родину.

В 1941 году я находился в селе Иваново, Рузского района, Московской области, где работала подпольно-партизанская группа, в которую входила ленинградская школьница Лида Матвеева. Эта юная патриотка погибла смертью храбрых, спасая жизнь советских танкистов.

После войны я вернулся в эти места, где жители села Иваново спасли раненого, от вражеского расстрела. За это время жители Иваново на месте, где была казнена Лида, воздвигли обелиск. Мне пришла мысль увековечить память Лиды и посвятить вокруг ее могилы фруктовый сад. Меня горячо поддержали жители села: вокруг обелиска был разбит сад, посажены цветы.

Я, инвалид Отечественной войны, офицер в отставке, вновь предложено всюду заложить сады возле братских могил, где покоятся слабые сыны и дочери нашей Родины, павшие смертью храбрых в борьбе за счастье своего народа.

А. ДУБРОВСКИЙ,
офицер в отставке, инвалид Отечественной войны

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ИСТОРИЯ ОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ»

В статье под таким заголовком, опубликованной в «Литературной газете» 26 июля с. г., рассказывалось о судьбе воспитанника Купянского детского дома № 3 Вали Васильевича Граждана Сушича, удочерившего девочку, отказавшейся от нее, вернув обратно в детский дом.

Как сообщила редакция заместитель председателя Харьковского облисполкома тов. А. Самойленко, статья обсуждалась на заседании облисполкома. Факты, изложенные в статье, полностью соответствуют действительности.

Решением исполкома Харьковской области и Купянского горисполкома указано на то, что по их вине Валия была удочерена лицами, которым нельзя было доверять воспитание ребенка, исполкомом городских и районных Советов депутатов трудящихся предложено усилить контроль за работой опекунов советов и оказывать им практическую помощь.

Народный суд Шевченковского района, рассмотревший заявление гр-на Сушича В. Н. об аннулировании акта удочерения, отказал ему. Харьковский областной суд оставил это решение народного суда в силе.

«ПОДНЯТЬ РОЛЬ ОТДЕЛА КРИТИКИ»

Так называлась статья В. Юревича, опубликованная в «Литературной газете» 7 августа с. г. В статье говорилось о недостатках в работе отдела критики и библиографии журнала «Поляны».

Редакция журнала, обсудив статью, признала критику правильной. Как сообщает главный редактор «Поляны» Максим Танк, редакция принимает меры к устранению главного недостатка, который заключается в отсутствии квалифицированных статей о современной белорусской литературе. Такие материалы заказаны широкому кругу авторов, а некоторые статьи уже находятся в портфеле редакции.

В связи с приближающимся сорокалетием Великой Октябрьской социалистической революции журнал готовит ряд выступлений о развитии белорусской литературы за годы советской власти.

ЭТО СТОИТ ОБСУДИТЬ

И. Двенадцать пуговиц и два крючка...

В этом году Андрей пошел в школу. Каждый родитель должен до того же предоплатить первокурснику подарок. Посылались большие и малые комплекты тетрадей, ранцев, наборов перьев, резинки, была даже автоматическая ручка (подарок дяди Кости, руководителя треста). Ну, а самое главное — форму — подарили, конечно, мы — мама и папа. Когда мы явились домой с огромным пакетом, Андрей бросился навстречу: — Форму, мама, скорее форму!

Стали надевать форму. Надела. Стали застегивать. Застегиваем одну пуговицу, застегиваем другую, третью, пятую... У мамы уже мозоли на пальце. — Что же ты стоишь, словно не твоего сына одеваешь? Застегни хоть пятую пуговицу!

Я поспешно выключаюсь в застегивание. Проходит еще несколько минут. Мама окончательно выходит из себя: — Бабушка, помогите же! Кто это выдумал...

А правда, кто? Какой чиновник сочинил школьную форму? Двенадцать пуговиц, два крючка и два ремня на одежде семилетнего мальчика! Но дело даже не в пуговицах и крючках, а в нашем отношении к ребенку, к красоте человеческой, да, наконец, просто в здравом смысле.

Одежда малыша-школьника более сложна, чем одежда взрослого. К бесконечным пуговицам мужского костюма здесь прибавляются еще крючки и ремешок со сложной пряжкой. Утреннее одевание превращается в длительную и мучительную процедуру. Но если утром мальшу могут помочь взрослые, то во время уроков физкультуры, когда надо самому быстро раздеться и одеться, положение оказывается почти трагическим.

Но, может быть, несмотря на ее сложность, одежда школьника все же удобна? Нет. Длинные брюки и торчащие во все стороны полы подпоясанной гимнастерки неудобны и негигиеничны. Перетянутый двумя ремнями, в огромном картузе, ребенок стеснен предельно. Неудовлетворен и материал, из которого шьется форма. Он хромой зимой, если в школе холодно. А если на дворе жарко или школа зимой хорошо отопляется?

Однако доказать практическое неудобство школьной формы, ее несоответствие возрасту куда легче, чем убедить, что одежда эта вопиюще уродлива. О

А. АЛЕКСАНДРОВ

ЖИЗНЕРАДОСТЬ 2. «Куриное море»

Нынче десятилетний мальчуган заболел. Диагноз — нервное расстройство. Искать причины тяжелой и такой нелепой в детском возрасте болезни в домашней обстановке было бессмысленно.

Сын никогда не слышал от отца даже грубого окрика. Родители ни разу не позволили себе ударить ребенка, и он обычно всегда легко подчинялся словесному воздействию. В семье не делали из ребенка забавы или, наоборот, громкого отвода для родительского раздражения. Старшие уважали достоинство ребенка. Поэтому он откровенно и дружелюбно рассказывал о своих делах, играх и даже проказах. Мальчуган постоянно выслушал понятие о равенстве, уважении к окружающим — не только взрослым, но и детям.

И вот в такой нормальной среде происходит такой необычный случай...

Прошло немало времени, прежде чем выяснилась причина душевного заболевания трехлетнего мальчика — отметки!

Мальчуган с первого же класса объявлял отличником. В этом звании он пребывал постоянно, всегда получая одни пятерки. Сын уже привык к этим высоким оценкам, хотя отец, трезво оценивая способности мальчика, не находил их выдающимися.

Однажды мальчика вызвали к доске. Что-то отвлекло его внимание от условий задачи, и он пришел к неправильному ответу. Преподовательница в резкой, непривычной для ребенка форме отпривала его на место с тройкой. Вечером он был неузнаваем. Взял ел, отказался от прогулки, не прислушался к играм и книжкам. Ему дважды поставили термометр — температура была нормальной. Перед сном ребенок наприличил и уснул в слезах.

Утром, как всегда, он тщательно готовил уроки, но был угрюм, молчалив и подавлен. А в школе пришлось отвечать по географии. И тут обнаружился результат вчерашнего потрясения. Какой-то мальчик назвал «Нурным морем»... Трудно сказать, как возникло такое наименование. Вероятно, кто-нибудь при нем в шутку сказал, что море это — мелкое и что его курица вброд перебердет.

Но педагог счел ответ дерзостью, и в журнале появилась вторая тройка — впервые за всю школьную жизнь! До конца уроков мальчик беззвучно рыдал. Пришлось его отправить домой. Весь конец четверти он провел в постели. Вопрос об успеваемости и о состоянии здоровья «гордостью школы» вынесили на педагогический совет. И было решено — выставить в таблице отличные оценки по всем предметам...

Отыскивая причину несчастья, отец навестил соседей. В этой семье росла соученица сына. Девочку не считали отличницей. В классе ее относили к неясной категории «четверошниц». Ей не давалось пение. Не было и особенных способностей к рисованию.

— Что ж делать, — говорил отец. — Не всем же быть певцами и художниками. Решай-ка получше задачки да побольше читай!

Доме ее шутя называли «Я сама». Папа никогда не помогал дочке — ничего не делал за нее и не расстраивался по поводу четверток. Так у девочки вырабо-

красоте ведь трудно говорить «о фактах в руках»...

Тан вот, был у меня Андрюшка, белокурый, курносый мальчишка. И пришла самая хорошая пора — идти в школу. И не стало этого Андрюшки. Есть теперь у меня маленький уалец.

До первого сентября наши дворы, улицы, сады и парки заполнены детьми. Все они разные, но все дети жизнерадостные, с загорелыми руками и ногами, темные русые, светлые... Но вот приходит этот день, и облик детворы меняется. Двигаются по улицам крохотные фигурки в мешковатых взрослых костюмах и картузах. И не трогательно это арлецино, а нелепо, до боли нелепо. Надо не понимать, не любить детство, чтобы придумать для детей подобную одежду.

Обязательно ли так одевать школьников? Некоторые товарищи ссылаются на традиции, на гимназию. Но ведь полувековая гимназическая форма была порождением чиновничье-содержательской духа царской России. Так зачем нам востановить такую форму?

Должен ли быть такой разительный контраст между одеждой девочек и мальчишек? Откуда эти стародавние представления? Девочке следует выглядеть красиво, изящно — носы, банты, фартуки, воротнички, а семилетний мальчик должен иметь столь суровый вид: бритая голова, ворот, подпоясанный подбородок, весь с ног до головы в сером.

Почему бы не дать нашим школьникам форму скорее спортивного образца. И будет детям в таком костюме удобно и свободно.

Очевидно, надо объявить открытый конкурс на одежду для школьников. В том, как выглядят наши дети, заинтересованы не только соответствующие отделы Министерства просвещения. На конкурсе выступят художники-модельеры, люди, чувствующие красоту и знающие, как сделать одежду удобной. Их эскизы обсудят родители, педагоги, портные. Все смогут принять участие в таком конкурсе. Нельзя только подпускать к этому делу чиновников!

А. АЛЕКСАНДРОВ

тало упорное «я сама», честное «не поняла» и терпеливое «переделай»...

Отец заболелшего мальчика отправился к классному руководителю. Вся уважаемая старая учительница увидела его слезой в добродушной улыбке «системы» постоянных «кадров» отличников. Оказалось, что в классе установился своего рода «культ» отличничества. Среди ребят бываю, например, такие разговоры: «Я — отличник, а ты — отличник. Так мы с тобой и говорить не будем». На переменах отличники не смеивались с «стойкой». Горсточка «лучших» укрывалась в углке за печкой и вела благодарные разговоры.

Приглашают на елку во Дворец культуры — идут только отличники. Билеты на гастроли ТЮЗа — одним отличникам. Приезжает фотокорреспондент из детской газеты — снимают тех же отличников.

— Да тут не то что у мальчика, а у взрослого пошла бы голова кругом. — У рассказывал встревоженный отец. — Этих ребят и шутки престранные. «Ваше межпланетное величество», и игры необычные.

Ребенка начинают страшить опасность выхода из «обоймы». Он уже привык к почестям. Эту кроху сажают в президиум собрания. Мальчик может любоваться собственной персоной на портрете в зале... Можно после этого понять силу такого удара, как первая непривычная тройка.

Состоялся встреча с директором школы. Заочно они были знакомы — отец получал по праздникам отпечатанные на бланках благодарности за «хорошее воспитание сына в семье». Директор терпеливо выслушал замечания в адрес школы.

— Правильно ли, — спрашивал отец, — что кучку отличников превознесли над всей массой ребят, нарушая основы советского воспитания — дух коллективизма?

Я не думаю, что в систему оценок успеваемости нужно вносить изменения. Речь идет о другом — о чутком применении этой системы, о вреде процентами, когда в погоне за отметками не видят подлинных знаний.

Пятерики должны отражать высшие достижения ученика, но они не могут достигаться по инерции. Надо напоминать не только ребятам, но и некоторым родителям, что четверка — тоже хорошая отметка!

Я знаю семью, где родители наказывали сына за каждую четверку. Папой и мамой овладела «идея» готовить медальки с малолетства, чтобы интеллектуальное дитя не пошло в юности на физическую работу. Часто ажикают из-за отметок развиваются на этой нездоровой почве, и, конечно же, он не имеет ничего общего с обычной тгой ребят к знанию.

Детская душа особенно легко ранима, и поэтому я скрыл от читателей название школы, фамилии воспитателей и имя «пострадавшего». Пусть выздоравливает пареня! А когда он поправится, я надеюсь, что директор школы скажет ему: «Звание отличника тебе присвоят за весь курс, а на протяжении года ты — обыкновенный мальчишка! Не «межпланетная» величина, а рядовой солдат армии учащихся!».

Н. СОТНИКОВ

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

В этом году вышла небольшая выжечка рассказов писателя из Дагестана М. Бахшиева. Своему сборнику автор дал звучное и скромное название «Рассказы о моих земляках». Но читатель любящий национальности признает многих героев М. Бахшиева и за своих земляков. Ведь живут они такими же делами и заботами, которые наполняют сегодняшние будни многих и многих наших людей: рабочего Рустама партия направляет в замученный колхоз; юноша Юсуф, отчаянно окончивший десятилетку, решает остаться в ауле и работать, как и его отец, чабаном; девушку-горнячку манит далекая земля...

Прочитав книгу М. Бахшиева, мы почувствуем, что кипучее содержание вышедшей большой книги захватит и далеких, но близких нам жителей гор Дагестана.

Герои рассказов Бахшиева действуют в неповторимой обстановке, что дает читателю представление о своеобразных условиях жизни и труда Советского Дагестана. Любимые герои автора — люди чистые, смелые, трудолюбивые — сталкиваются со всеми трудностями и препятствиями, они складываются в условиях настоящего, а не придуманного, как это иногда бывает, национального «колорита». Эти трудности и препятствия связаны во многом с живучестью косяных национальных пережитков, старых традиций. Горячая любовь к новорожденному сыну заставляет комсомольца Хануна выступить против страшного надругательства над грудным ребенком — обряда обрезания. При этом Ханун борется не только со своей матерью — рьяной защитницей диких обычаев, но и с самим собой, с собственной пассивностью, застарелой привычкой не замечать вреда некоторых родовых законов.

Феодалное, унижающее женщину отношение еще, к сожалению, встречается в Дагестане. Почти во всех рассказах автор так или иначе говорит об этом. Например, приехавшему в колхоз тридцатилетнему Юсуфу — герою рассказа «В родном ауле» — приходится прежде всего столкнуться со стремлением некоторых мужчин завладеть всю тяжелую физическую работу на плечи женщин.

М. Бахшиев умеет выбирать острое, способное заинтересовать читателей положение. Завязка его рассказов драматична. Однако с последовательным, смелым развитием сюжета писатель по большей части пока не справляется. Только только успеют поспорить непохожие по характеру, с разными взглядами на вещи люди, только-только начнут разгораться

М. Бахшиев. Рассказы о моих земляках. Дагизиздат, 1956, 50 стр.

Летопись литературной борьбы

В последние годы назрела необходимость более глубокого и всестороннего изучения истории советской литературы. Значительная часть исследовательских работ, посвященных литературе 20—30-х годов, и «Очерк истории русской советской литературы» оны белое, поверхностно, а порой и неверно трактуя историю борьбы литературных группировок тех лет. Одной из причин этого является то обстоятельство, что исследователи долгое время не имели возможности широко привлечь архивные документы и материалы.

Учитывая это, Центральный государственный архив литературы и искусства СССР приступил к работе над сборником «Материалы к истории советской литературы. 1917 — 1934 гг.». В сборнике будут помещены официальные документы, отражающие борьбу литературных группировок, их уставы, декларации, резолюции пленумов и конференций, стенограммы выступлений, статьи, переписка и т. д. Условным документам сборника будут постановления партии и правительства по вопросам литературы.

В архиве хранится огромное количество материалов, которые позволят создать интересную и нужную книгу.

Уже просмотрено более семидесяти личных фондов советских писателей. Среди них: фонды А. Афиногенова, Д. Бедного, В. Брюсова, А. Луначарского, В. Маяковского, А. Невзорова, А. Новикова-Прибоя, А. Серафимовича, С. Скитальца, В. Ставского, А. Фадеева, Д. Фурманова и др.

Много ценных документов обнаружено в фонде А. Невзорова. Уставы литературных обществ, журналы заседаний, стенограммы выступлений, дневниковые записки о писательских съездах и совещаниях 1920 года, письма А. Невзорова к Е. Леонтьеву и Н. Степанову, в которых подробно описывается положение в литературных кругах 1920—1922 гг., — вот далеко не полный перечень материалов, которые войдут в сборник.

Из переписки писателей 1920-х гг. можно узнать много интересных подробностей литературной борьбы, которую не раскрывают ныне известные документы.

В фонде В. Ставского основная масса документов относится к 1935 — 1943 гг. Однако есть важные материалы и более раннего периода. Сохранилось большое количество стенограмм различных заседаний и совещаний РАППа. Архив этой организации еще не собран, поэтому каждый новый документ, позволяющий дать правильную оценку деятельности РАППа, имеет большое значение.

Богатейшим источником являются записные книжки В. Ставского, в которые он обычно заносил все наиболее интересные выступления на совещаниях, собраниях, пленумах, конференциях. Сохранились подробные записки всех выступлений на Бракцинском пленуме ВАППа 25 ноября 1926 года. Среди них — запись докладов А. Луначарского о задачах пролетарской литературы на данном этапе, доклада В. Киришона о деятельности секретариата ВАППа.

В небольшом фонде К. Федина есть очень ценный документ. Это его ответ на анкету издательства «Федра» (1932 г.), где писатель говорит о перспективах развития советской литературы. Здесь же он изла-

страсти, как автор берет своих героев за руки и горюит: скоро помиритесь, не стоит спорить.

Вот рассказ «Умаханум». Девушка-колхозница Умаханум получила от жениха письмо. Он пишет, что после демобилизации из армии решил вместе с друзьями поехать на целину, и зовет ее к себе. Но у матери Умаханум на этот счет свое мнение: «Где это сказано, чтобы девушка, родившаяся среди гор, сама поехала в жениху... Боже упаси, озорница на весь аул. Какими глазами я буду смотреть на односельчан!».

Казалось бы, хорошая возможность для оригинального поворота животрепещущей, чисто национальной темы. Мать Умаханум, Гюльсара, готова поступиться счастьем дочери, лишь бы соблюсти обычай. Читатель ждет, что в семье разгорится борьба, в которой Умаханум и ее отец не легко будут одержать подлинную победу над Гюльсарой. Но, увы, ожидания оказываются тщетными, «противник» сразу же сдается: «...Гюльсара хотела громко закричать, но она сдержала себя... Ну смотри... не забывая родителей, родные горы...».

О женихах-тружениках М. Бахшиев пишет с волнением, гордостью, восхищением. Его героини самоотверженны, они стойки в тяжелую минуту. Такими, скажем, «женщина смелой мысли и непреклонной воли» Герой Социалистического Труда Гюльбор Давыдова или юная Хадият, ставшая опорой для семьи еще девочкой. Но становится досадно, когда хорошее отношение к героиням автор превращает в излишнее любование, расстилая перед ними гладкий, без серьезных препятствий путь. Героини рассказов «Жалоба не состоялась» и «Аминат» — бригадир, председатель колхоза и секретарь райкома — никогда не ошибаются, ни в чем не знают сомнений. К ним с обожанием относятся подруги («Аминат») и даже сдобородные старухи, словно по мановению волшебной палочки, смеяются над верой в них глубокой почитательностью («Жалоба не состоялась»).

Эти два рассказа вызывают наиболее серьезное возражение. Недостаточно мастерство в построении сюжета привело М. Бахшиева к недостаточности: большие, реальные трудности, с которыми до сих пор приходится встречаться и бороться женщинам-горнячкам в жизни, оказались подмененными литературным возмущением удачливых героинь.

Хочется пожелать писателю овладеть искусством сюжета, овладеть «секретом» единственно возможного, художественно-обоснованного развития действия и характера.

В. ПАНКИНА

в киностудиях

Трилогия Алексея Толстого на экране

Санкт-Петербург. Март 1914 года... Бешено летящий в снежном вихре лихач. Мелькают сверкающие витрины, куда-то несущиеся человеческие потоки на проспектах, дворцы, банки, мюзик-холлы, кинематографы, кабаки... Петербург, замученный бессонными ночами, глушащий свою тоску вином. Город, словно живущий в ожидании рокового и страшного дня...

...Москва. Март 1920 года... Запоздалые бери завалили снегом город. В пачках сторают заборы, мебель. Фабрики и заводы стоят. В учреждениях служащие в шабах дуют на распущенные пальцы, чтобы как-нибудь удержать в руке карандаш. Медленно движутся людские потоки. По карточкам выдают овец... Пятирусский зал Большого театра. В тумане, образованном дымящимися людьми, красноватым налетом едва светятся сотни лампочек. С колосников в глубине сцены свесился огромный крест России. Все она в разноцветных кружках. Из президиума, из партера, из лож на ярусах жадно и любовно смотрят люди на эту карту будущего — в ней слышны пролитой крови, великих народных усилий, беззастенчивых и молчаливых мук миллионов людей...

В течение шести лет, протекающих между этими двумя датами, развертывается действие фильма по трилогии Алексея Толстого «Хожение по мукам». Фильм воскресит на экране великие события на рубеже двух эпох, судьбы героев любимого народом произведения советской художественной прозы.

Драматург Б. Чирсков уложил содержание трилогии в две серии фильма, который на Мосфильме готовят к постановке режиссер Г. Рошаль. Только два месяца назад на одной из дверей студии появилась свежая табличка с наименованием будущей картины. За этот срок создан постановочный коллектив, завершены эскизы, подобраны актеры. Все это позволяет во второй половине октября приступить к съемкам нового фильма.

Мы попросили постановщика Г. Рошаль рассказать об экранизации трилогии «Хожение по мукам».

— Я не случайно избрал именно это произведение, — сказал Г. Рошаль. — Трилогия давно влекла меня, она очень близка мне, как художнику, своей темой. Еще в первых работах в немом кино я в картинах «Две женщины» и «Человек

На Страстной площади Москвы — эскиз художницы Л. Александровской

из мстечка» трактовал тему прихода интеллигенции к революции. «Хожение по мукам» особенно интересно возможностью раскрыть не один, а несколько образов интеллигентов и показать во всей широте сложный, трудный и, в конечном итоге, животворный путь лучшей части старой интеллигенции к новому строю, к народу.

В картине мы хотим рассказать не только о пути интеллигенции к революции, но и показать новую интеллигенцию, создаваемую в процессе революции. Трилогия А. Н. Толстого дает достаточно материала для того, чтобы тема становления новой, советской интеллигенции — людей, воспитанных революцией, ищущих большую человеческую правду, — стала бы одной из ведущих в новой картине.

Сейчас заканчивается важнейшая и очень сложная часть подготовительной работы — подбор актеров. Многоочленные пробные съемки, репетиции, беседы с разными авторами помогли подобрать исполнительный почти всех ролей. Карту будет играть молодая киноактриса, снимавшаяся в картине «Вольница», — Р. Нифонтова, Рошина — артист Театра имени Вахтангова Н. Гриценко, Чурая — С. Лукьянов, Иванна Гору — молодой артист В. Авдюшко, Агриппину — М. Булгакова.

Изобразительное решение фильма принадлежит главному художнику И. Шпильней и художнице комбинированных съемок Л. Александровской. Комбинированные съемки помогут нам восстановить картину старого Петербурга, Москвы и многих исторических боев.

Главный оператор картины — Л. Косматов, комбинированных съемок — Б. Орещкин, композитор — Дмитрий Кабелевский, с которым я работал над рядом картин.

Картина «Хожение по мукам» выйдет в двух вариантах — для широкого и обычного экранов. Первая серия — «Сестры» — будет закончена к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Катя — артистка Р. Нифонтова

ПИСАТЕЛИ О КНИГАХ

В поисках характеров

Александр Андреев пришел в литературу со своей темой. Как это часто бывает, первая книга его «Ясные дали» (Трудрезервиздат, 1950 г.) опиралась в большой степени на жизненный опыт самого автора. Александр Андреев остался верен своим друзьям — молодым рабочим — и продолжает писать о них. В 1953 году он выпустил роман «Широкое течение» и в начале этого года — вторую часть «Ясных далей».

Напомним кратко сюжет первой книги. Молодые рабочие и деревенские ребята становятся учениками ФЗУ. Среди них за год учения выявляются и талантливые рабочие, и организаторы, и люди большого духовного богатства, как Саня Кочевой, и мятущиеся, ищущие, как лирический герой повести Дима Ракитин. Повесть начинается 1933 годом, эпохой индустриального подъема в стране.

Вторая часть повести показывает судьбы героев в предвоенные годы.

Питомцы ФЗУ постепенно разлетаются в разные стороны. Уехал учиться в музыкальное училище Саня Кочевой. Никита Добров стал отличным кузнецом. Мечется Иван Маслов, — ему хочется обратно в деревню, как это было и в первой части повести, только теперь он четче туда в новом качестве, как мастер и проводник новой — городской — культуры. Яна Стогова, в которую безнадменно влюблен Саня Кочевой, хочет учиться дальше, — ей бы водить пароходы по Волге... Для каждого его судьба ясна, не ясна она только для Димы Ракитина. Он ждет славы, а «...слава не может прийти к тебе в обыкновенной, будничной стальной мастерской; она маячит где-то вдали...».

Вот эта-то мятущаяся душа и привлекает наибольшее внимание автора.

Дело в том, что по твердому убеждению писателя и его лирического героя, Дядя молодого человека нашего времени нет никаких преград на пути к достижению самых высоких целей, лишь бы цели эти совпадали с общим движением общества вперед и были отчетливо видны самому герою.

Как возникает эта уверенность? Еще в первой части повести мы видим, как заботливо относятся к молодым ребятам их старшие товарищи — секретарь парткома Сергей Петрович Дубровин, учитель Тимофей Евстигневич, командант общестиня Чугунов, родители Никиты Доброва... Даже случайная встреча с киноактрисой Каванцевой доказывает одну мысль: недостижимых целей нет. Сама Каванцева

Александр Андреев. Ясные дали. Часть вторая. Трудрезервиздат, 1953, 274 стр.

Поэт Всеволод Азаров подождал много времени и труда для собрания, изучения и обобщения материала о трагедии и железной стойкости замечательного сына германского народа Эрнста Тельмана. Писатель говорит о том, насколько трудна и необходима эта работа — воссоздать поэтический образ такого человека, раскрыть и показать его живую душу, его незаурядный характер, источники тех внутренних сил, которые подняли Тельмана в глазах рабочего класса мира до высот несравнимого мужества человеческого духа.

И вот недавно в издательстве «Советский писатель» отдельной книгой вышла поэма Всеволода Азарова «Товарищ Тельман». Можно сказать сразу, не вдаваясь в подробности, что это произведение для самого поэта является несомненной удачей. Здесь Вс. Азаров, освобождаясь от присутствия его стихам скважности, говорит более свободно. В некоторых главах, как, например, «В сочельник», «Тельман в Москве», «На передовой», «Избавление», он достигает поэтической точности и выразительности, поэтического проникновения в суть фактов, выхваченных из жизни, делает эти факты достоянием поэзии.

Эпизодическое построение поэмы, не связанной обязательными рамками сюжета, метод называния одного эпизода на другой, как мне кажется, одновременно и помогали и мешали поэту. Помогали лучше, чем мешали.

Всеволод Азаров. «Товарищ Тельман». Поэма. «Советский писатель», 1956, 99 стр.

прошла тот же путь, на котором сейчас находятся герои повести.

Должен оговориться: вначале кажется, что Андреев несколько облекчил путь талантливого человека в искусстве. В самом деле, из школы ФЗУ уже двое идут по этой тернистой стезе: Саня Кочевой и Дима Ракитин. Но если Саня Кочевой показывал свою приверженность к музыке и свой талант с первых страниц повести, то перевоплощение Димы Ракитина в актера мало мотивировано, его актерские способности нигде не показаны. Но уже на первых страницах рассказа о школе появляется лесоруб Леонтий Широков, человек по-настоящему талантливый. И то, как случайно, бездумно бросился Ракитин в школу киноактеров, и как сознательно, упорно, долго готовился к этому Широков, дает возможность предположить разность их будущих судеб. Да, для рабочего паренька открыты пути в искусство, но терний никто не отрицает. Вот почему, когда в конце второй части повести Дима Ракитин снова, — в который уже раз! — ломает свою жизнь и отпускается от надежды стать актером, когда он вдруг признает несовершенство своего таланта, мы понимаем этот жест не как отчаяние, а как выход в будущее.

Горько, конечно, что пропали четыре года, но мы вместе с друзьями Димы — с Никитой, с Кочевым, с любящей Димы девушкой Ниной Сокол убеждены, что для него все еще впереди.

Мы расстались с главным героем повести на пороге войны. Люди в повести выросли. Пути их выверены жизнью. Они стали представителями интеллигенции, другие стоят на рабочих местах. Это развитие закономерно.

Первые шаги наших героев в Москве показаны, пожалуй, несколько сглажено и упрощено. Тут лишний, так сказать, опыт автора оказался более счастливым, чем у многих других «приниловцев». Но мне невольно думается, что шаржажные нелепости от требования чистой лаконичности и требования обязательного темного фона не имеет никакого отношения к развитию литературы и жизни. В самом деле, а как тогда опрывать опыт миллионов передовых рабочих, огромный прирост армии нашей технической и гуманитарной интеллигенции, занятой созидательным трудом? Считаю, что все оно только чудом стало удачливым?

Частности и детали быта того времени у Андреева соблюдены полностью.

Вспомните описание обжитой консерваторской и заводской. Тут в лаконичности автора не упрекнешь! Удача Димы Ракитина с поступлением на работу тоже оправдана: все стены города были в то время залены объявлениями о приеме на работу. Единственное, в чем я не могу согласиться с автором, — он не показал всех сложностей пути к культуре. Дима Ракитин превращается в интеллигента где-то за пределами рабочего парняка в интеллигентную семью молодого читателя, только еще ищущему свой путь. Цитаты и названия книг, которыми Дима постепенно обогащает свою речь, еще не являются доказательством интеллигентности, это лишь признак начитанности.

Вторая часть повести значительно сдержаннее и спокойнее по языку. В ней много настоящих находок. О Москве писали, кажется, больше, чем о каком-нибудь другом городе. Но Андреев нашел отличные слова и для пейзажа столицы. «Сквозь опущенные свежими листьями ветви липы видно было, как над крышей высокого дома неслышными высушенными ветром облака, навстречу им разстеленными стаями взлетали галки, кружились и снова опускались, точно были пригнаны к концу невидимыми нитями». (Подчеркнуто мной. — Н. А.) Но случается еще и так, что автор гонится за внешней красотостью фразы, забывая, что лучше говорить просто. На 159—160 стр. Саня Кочевой рассказывает о своей поездке на Волгу веселыми приукрашенными словами. А ведь Саня по своему характеру далек от восторженности.

Любопытно, что Андреев часто прибегает к многоголосому разговору, — прием, которым наши молодые писатели почти не владеют, решив, по-видимому, что, поскольку диалог есть разговор двоих, то двумя собеседниками и следует ограничиваться. Андреев щедро вводит своих героев в разговор, а так как речевые характеристики их выверены заранее, то шумные споры эти всегда доказательны и показывают действительные лица в их непрестанном развитии. Правда, прием этот обусловлен тем, что книга написана от первого лица. Однако умение строить диалог всегда необходимо писателю.

Сейчас А. Андреев готовит третью книгу повести. В этой книге его герои вместе с народом участвуют в тяжелой войне. И очень может быть, что именно там Дмитрий Ракитин найдет, наконец, свой прямой путь.

В гостях у писателей были артисты французского Национального народного театра, о котором рассказал его руководитель Жан Виллар. На вечере выступили также гостиные у нас в стране английские писатели Алик Уэст и Уолф Милкович, Павел Антокольский и Сергей Михалков рассказали о международной встрече поэтов, которая недавно проходила в Бельгии. Французский поэт Жорж Сорни читал свои новые стихи Как и всегда, горячо был встречен народный артист СССР Сергей Образцов. Вечер закончился выступлением немецких артистов цирка и варьете, которых представил Готфрид Герман.

Рассказывая об открытии сезона, председатель правления Центрального дома литераторов Вас. Захарченко сказал нашему корреспонденту:

— Прежде чем наметить, каким будет новый сезон в нашем клубе, мы посоветовались с многими писателями. Большинство высказало пожелание, чтобы чаще устраивать встречи с руководителями промышленности, сельского хозяйства, с деятелями науки. Встречи эти станут интересными, если они будут носить характер взаимного обмена мнениями. Мы хотим не только слушать наших гостей, но и высказывать им свои замечания и соображения, возникшие в результате знакомства с заводами, колхозами, научно-исследовательскими институтами.

Предполагается провести ряд дискуссионных вечеров. Назовем их, например, так: «О самом хорошем и самом плохом». Речь будет идти о различных сторонах нашей жизни. Такие дискуссии, как показал опыт прошлого года, вызывают живой писательский интерес.

Хотелось бы организовать и встречи литераторов с коллективами редакций некоторых центральных газет. Думаю, что такие встречи будут полезны для обеих сторон.

Задумано несколько вечеров, посвященных вопросам воспитания молодежи. Встретимся с преподавателями средних школ и вузов, с судейскими работниками, руководителями комсомола и т. д.

Расширяя секционную работу, которая за последнее время значительно оживилась, мы хотим поднять и писательскую самостоятельность, при клубе начинать работать сатирический ансамбль «Липка» и несколько новых кружков.

Мы и впредь будем встречаться с зарубежными деятелями литературы и искусства, а также с нашими отечественными соотечественниками по смежным искусствам.

— В заключение мне хочется отметить, — сказал Вас. Захарченко, — что наша клубная работа чрезвычайно затруднена из-за крайней тесноты. Строительство же нового здания по вине Главлитостроя ведется недопустимо медленно.

Михаил ДУДИН

ЭПИГРАММЫ

НЕ НАЗЫВАЯ ФАМИЛИИ...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО и В. СОЛОВЬЕВА

СУДЬБА ПОЭТА

Был до того он сух и пресен, что перешила на тексты песен. Теперь он пишет для кино: Там слог не слышно, все равно.

ХОЛОДНОМУ ХУДОЖНИКУ

Был стих его пустым и воливым, Как ни дудел он в своей рожок. Как он ни жег сердца злаголом, — То небожко, то пережог.

ПОЧТИ ПО ПРУТКОВУ

— Вы любите ль стихи? — спросил раз ханжу. — Люблю, — он отвечал — Я их перевожу Александр РАСКИН

ЮНЫЙ ГЕНИЯ

Было у юного гения Единственное стихотворение О том, что он одиет гонения На творчество юного гения Борис СЕРМАН

ЛАКИРОВЩИКУ

Хоть речь тебе не по нутру, Все же моляло без опаски Что лак потребен столару А ты давай нам — краски Алексей ЧЕЛЬЦОВ

СОСЕД ПО КАМЕРЕ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

мог передать ее потому, что после окончания лагеря был долго болен, но я попросил одного своего товарища, который бывал в Брюсселе, свезти тетрадку в советское посольство. Он взял тетрадь и, вернувшись, сказал мне, что выполнил мое поручение.

Я: Вы не знаете, по какому делу находилась в заключении Джалиль, в чем его обвиняли фашисты?

Тиммерман: Как принцип, в тюрьме никто не говорил другим о своих делах, боясь, что рядом с ним в камере могут оказаться люди, специально посланные немцами. Но мы с Джалилем доверяли друг другу и разговаривали о своих делах. Однако когда говоришь, дополняя слова жестами и еде-еде зная язык друг друга, то не всегда и не все понимаешь. Поэтому у меня, может быть, нет вполне точного представления о том, что мне рассказывал Джалиль. Передам вам лишь то, что я мог понять.

Судя по разговорам Джалиля со мною и с Булатовым, с которым, по-моему, он говорил по-русски, потому что в их разговорах я кое-что понимал, — Джалиль, до того как попал в тюрьму, сидел в немецком концлагере. Там, в лагере, в лагере, пришел главный муфтий (я переспрашиваю, и Тиммерман повторяет: главный муфтий). Там, в лагере, было известно, что Джалиль — писатель, и муфтий требовал от него, чтобы Муса и несколько других татар написали обращение ко всем военнопленным татарам с призывом вступить в армию генерала Власова. Как я понял из слов Джалиля, они для вида согласились сделать это, но в то же время в подпольных листовках, которые они выпускали в лагере, написали все совершенно обратное и призывали татар не вступать в армию генерала Власова. Всего, как мне говорил Джалиль, в их подпольной организации, которая выпускала листовки, было двенадцать человек татар. Потом они привлекли еще одного — тринадцатого, и этот тринадцатый их выдаст. Насколько я помню, они часто говорили об этом через стену с Булатовым.

Если бы я просидел еще два-три месяца вместе с Джалилем, я бы знал язык гораздо лучше и мог бы вам подробнее рассказать, за что казнили Джалиля и что случилось с татарами — его товарищами, а так могу рассказать только то, что помню, не могу даже поручиться за полную точность этого: все-таки и я и он — мы оба очень плохо понимали друг друга.

Я: Скажите, как Джалиль писал свои стихи, те, что он передавал вам?

Тиммерман: У нас было много свободного времени, я старался протянуть его, и каждый день утром брлся подолгу, по целому часу, а то и больше. У Джалиля, насколько я помню, борода росла медленно, он брился только изредка. Нока я каждый день с утра брился. Муса обычно писал что-то на кусочках бумаги, отговаривал от «Фейхтнер боахтер», писал, и снова писал. Когда я кончал бриться, он переставал писать, и у нас начинался разговор при помощи рисунков. Так шло время до полудня. В полдень было то, что называлось нашим обедом. После обеда мы опять учили язык, а часа в четыре дня Джалиль снова начинал писать.

Я: Вы знали, что Муса Джалиль поэт?

Тиммерман: Да, я это узнал, хотя и не сразу. Когда я в первый раз пришел в камеру и спросил фамилию Джалиля, он сказал, что его зовут Умеров, и я получил: раз кончается на «ов», значит он русский. Потом мы стали объясняться рисунками. Однажды, когда мы уже стали немного понимать друг друга, Джалиль заговорил о Гитлере и сказал, что в русском языке буква «И» не произносится, по крайней мере, я так его понял, и я стал звать его не Умеров, а Умер, а потом заметил, что Умеров — это похоже на имя поэта Гомера, и вот тогда-то Джалиль и сказал, что он тоже поэт.

Я: Тюремные надзиратели не мешали писать Джалилю?

Тиммерман: Нет. Сторожа в тюрьме не были профессиональными тюремщиками, это были военнообязанные старики, неплохие люди, спустя рукава выполнявшие свои обязанности. Мы в общем были предоставлены самим себе, и благодаря этому и Муса мог писать, и мы могли вместе с ним сверстать стену.

Я: Скажите, что вам говорил Муса о своих товарищах-татарах?

Тиммерман: Когда мы увиделись в последний раз в тюремной душе, Муса сказал мне, что их приговорили к казни, всех тринадцать человек, включая выдавшего их предателя. Но я не знаю, все ли они были казнены, — это было уже потом, потому что, когда меня перевели в Лукку, Муса и остальные приговоренные к смерти татары оставались еще в Шпандлау.

Я: Когда вам в первый раз сказал Джалиль о том, что его казнят? В тот день, когда его водили и требовали подписать какой-то документ?

Тиммерман: Да, в тот день, передавая мне тетрадь, он сказал, что его казнят. Но сказал он это уже не в первый раз. Он несколько раз говорил мне об этом и раньше. Он был уверен в этом, это было видно и по его тону, и по его жестам. Он был абсолютно уверен и абсолютно спокоен.

Я: Вы не можете вспомнить, о чем вы еще говорили с Мусой Джалилем?

Тиммерман: Ну, о чем говорят люди в тюрьме: нас мучил голод, поэтому мы иногда говорили о еде, рассказывали друг другу о том, что мы оба когда-то ели дома — я у себя в Бельгии, Джалиль — у себя в Татарии. Много говорили о своих семьях, родных. Я не уверен, что я все хорошо понимал, но мне кажется, что Джалиль говорил мне о том, что его отец был крестьянином, что одна из его сестер — инженер-химик, а другая... Кем была его другая сестра, я так и не понял, хотя он мне пытался это объяснить. Он много говорил о жене, и если я не путаю, то он говорил мне, что тетрадь, которую он мне отдал, предназначается жене. О чем бы он ни говорил, он был всегда очень спокоен и неизменно восхищал меня этим.

Я: Скажите, а когда последний раз вы видели Джалиля в тюремной душе, он не говорил с вами снова о своей тетрадке, о том, чтобы вы сохранили ее?

Тиммерман: Нет, он больше не напоминал мне об этом. Он один раз сказал мне и, наверное, верил, что я сделаю это, раз обещал. Я повторяю — он был очень спокойный и мужественный человек. Я не мог не выполнить его просьбы. Встаньте сами на мое место: мне передают тетрадь на незнакомом языке, я не могу ее прочесть, я не знаю, что в ней написано. Я знаю, что человек, который мне отдал свою тетрадь, — поэт. Я не знаю, какой он поэт, хороший или плохой, но я знаю, что он хороший человек, я его глубоко уважаю за его спокойствие и мужество, и раз такой человек — товарищ по камере, просят меня что-то сделать, то я знаю, что это надо сделать. Я думаю, что он мне при последнем свидании не напомнил о своей просьбе потому, что знал, что я сам помню о ней.

Тиммерман достает еще одну папку, долго роется в ней и наконец находит тот самый инвентарный список вещей, о котором он вспоминал раньше, тот список вещей, который немцы переслали когда-то, в 1944 году, его родителям. Это напечатанный на машинке, на немецком языке, аккуратный реестр из семи или восьми пунктов: бритва, носки, рубашка и четвертый или пятый пункт стоит слово «брифаше» — почтовая сумка.

— Наверное, под этим пунктом и значится тот пакет, в который были завернуты молитвенник и тетрадь Джалиля, — говорит Тиммерман.

РАССКАЗ о Джалиле закончен. Тиммерман несколько раз сам возвращается к тем или другим уже рассказанным им подробностям и напряженно пробует вспомнить, не забыл ли он чего-нибудь. Но нет, больше он ничего не может вспомнить. То, что он рассказывал, — все, что он знает.

Мне хочется хоть немного подробнее услышать о жизни самого Тиммермана. Вначале он говорил о себе кратко и неохотно и сразу перешел на рассказ о Джалиле, но теперь я снова возвращаюсь к своим вопросам, и Тиммерман рассказывает о себе сдержанно, немногословно, но все-таки немного подробнее, чем вначале.

В начале войны он работал клерком в конторе у судебного исполнителя. Его арестовали здесь, в этом самом городке Тирлемон, где он был одним из первых членов движения Сопротивления, когда движение это еще никак не называлось; потом его назвали «Фронтом независимости». У каждого из них — членов движения Сопротивления в Тирлемене — была своя маленькая

работа. У него было задание — составлять списки коллаборационистов, он на каждого из них заводил отдельный листок и вносил на этот листок все добытые им сведения о их сотрудничестве с фашистами. Кроме того, он старался добыть их фотографии. Постепенно в эту картотеку вносились все новые и новые данные. Он не держал эту картотеку у себя, она была спрятана у одной старой одинокой женщины, подруги его матери. Он иногда брал ее у этой женщины для того, чтобы внести туда новые сведения, и снова относил картотеку к ней. Между прочим, у этой женщины впоследствии мать Тиммермана хранила и тетрадь Джалиля.

В конце сорок четвертого года, когда он сам уже третий год сидел в немецкой тюрьме, а Тирлемон был освобожден от фашистов, бельгийские патриоты получили у старушки эту картотеку, которую он вел в сорок втором году, и по ней смогли установить многих коллаборационистов. Таким образом, его работа не пропала даром. Кроме этой работы, он занимался еще распространением подпольной газеты. Его арестовали ночью, в постели, в один день с еще шестидесятью четырьмя людьми, в том числе с мужем его сестры. Их обвинили в помощи врагу и отправили в брессельскую тюрьму. Мужа его сестры приговорили к смертной казни, а ему и его товарищам дали от трех до пяти лет. После этого его отправили в Вестфалию. Оттуда снова в Брюссель, а оттуда уже в Берлин, где он встретился с Мусой Джалилем. Потом их судили во второй раз и потребовали для всех смертной казни: за помощь врагу, за распространение антифашистской литературы и за составление списков лиц, лояльных к Третьему рейху. В итоге, вместо первоначальных трех лет тюрьмы он получил пять лет каторги. Лагерь, где они сидели в последнее время, находился около Эльбы; к нему одновременно с обеих сторон подходили русские и американцы. Немецкая охрана бежала. Русские подошли к лагерю, и он несколько дней пробыл у них, был даже на медицинском осмотре. (Тиммерман вынимает из папки маленькую пожелтевшую бумажку с печатью «М. П.» — меллунг и неразборчивой подписью какого-то нашего военного врача.)

Потом через несколько дней русские передали его и других бельгийцев американцам для отправки на родину. После окончания войны он все время ждал в Тирлемене, женился, работает клерком в страховой конторе. Вот и все. Тиммерману явно кажется, что он и так слишком много рассказывал о себе. Я говорю ему о его большой заслуге перед татарской, да и вообще перед всей советской литературой, для которой он спас последние произведения Мусы Джалиля, и рассказываю, что Муса Джалиль посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

— Он был очень спокойный и очень мужественный человек, я всегда уважал его, — уже в который раз с большой внутренней силой повторяет Тиммерман. Поднявшись, чтобы попрощаться, я еще раз говорю Тиммерману, что мы глубоко благодарны ему. Неожиданно для меня он хмурится и делает протестующий жест.

— Я ведь не знал, что это за тетрадь, — говорит он без тени улыбки. — Я не знал, что это что-то особенное, я просто выполнил просьбу товарища. Я не хочу, чтобы вы думали, что я сам считаю, что я сделал что-то особенное. Если оказалось, что эта тетрадь такая важная, — очень хорошо, но мне этого нельзя ставить в заслугу, я этого не знал, я этому не придавал такого значения... Все это было очень просто, и такой же простой вещью осталась для меня и сейчас. Я уважал человека и сделал для него то, что мог сделать. Когда вы увидите влосу Мусу Джалиля, — добавляет он, — передайте ей, — я очень глубоко уважал ее мужа, очень глубоко. Непременно передайте это ей...

Мы прощаемся. Я выхожу на улицу и сажусь в машину. Машина трогается. У открытых дверей маленькой винной лавочки, прислонившись к приоткрытой, засунув руки в карманы, стоит высокий, невозможный сутуловатый, ноульбичный, сдержанный мужчина, Андре Тиммерман, человек долга, вместе со своей матерью и еще одной скромной старушкой-бельгийкой спасший для литературы «Мобильскую тетрадь» Мусы Джалиля.

ТИРЛЕМОН—МОСКВА

ИМ ТОЛЬКО ДАЙ ВОЛЮ...

В наши дни не найти газеты, которая не выступила бы по поводу суэцкого вопроса. Поместила редакционная статья на эту тему и западногерманская «Баденше фольксцейтунг». Дейчас фольксцейтунг, что в переводе значит: «Баденская народная газета. Немецкий народный листок». И хотя слово «народ» дважды упоминается в названии этой газеты, но отнюдь не голос народа звучит на ее страницах...

Напомним, что в былые времена национализация компании Суэцкого канала обязательно привела бы к «военной национальной экспедиции», редакторы «Баденше фольксцейтунг» делают вид, будто они приветствуют, что «сегодня ведутся переговоры» вместо того, чтобы «сразу же стрелять». Но тут же газета выражает крайнее недовольство «неуверенной позицией» политиков Запада в суэцком вопросе, их «страхом перед войной», их «пораженчеством».

Поборников решительной политики из редакции «Баденше фольксцейтунг» не пугает, что в результате военной интервенции против Египта «восстал бы весь арабский лагерь...». Еще вопрос, заявляют они, не было бы ли это (то есть агрессивная война в районе Ближнего и Среднего Востока) «меньшим злом по сравнению с заманчивой перспективой, открывающейся для всех арабских националистов», если национализация Суэцкого канала пройдет для Египта «безнаказанно».

«Баденше фольксцейтунг» открыто выступает за посягательство на суверенные права египетского народа. Газета недоумет: несмотря на наличие «справедливой (!) причины для войны... момент для военных операций против Египта, по-видимому, упущен», так как повсюду господствует «убеждение в том, что навигация по каналу проходит беспрепятственно». И теперь «уж слишком поздно и очень трудно убедить мир...». В чем убедить? В том, видите ли, что «безопасность Европы в опасности», — заявляют опаснейшие бюрократы европейской безопасности из «Баденше фольксцейтунг».

Так некоторые западногерманские газеты, в меру своих возможностей, помогают агрессивным реакционным кругам разжигать антагонизм вокруг суэцкого вопроса, вместо того чтобы способствовать достижению соглашения в интересах всего мира.

Д. У.

Планы и замыслы

1956 год явился значительной вехой в развитии литературы Германской Демократической Республики. Он начался с большого собрания в культурной жизни страны — IV съезда немецких писателей. Съезд литераторов республики с воодушевлением приступил к творческому труду. Недавно печать ГДР поздравляла читателей с творческими планами многих известных прозаиков, поэтов, драматургов.

«История» истории, так условно названо произведение, над которым сейчас работает Вилли Бредель. Действие книги переносит нас в родину Бределя — в Гамбург, город, неразрывно связанный с именем Эрнста Тельмана, знакомит с революционным движением гамбургских рабочих. Первый секретарь Союза немецких писателей Эдуард Клаудус, несмотря на загруженность общественной работой, пишет новый роман, который называется «О любви надо не только говорить». По первым двум главам, которые были опубликованы в журнале «Нейе дейче литерату», видно, что в романе отражены громадные сдвиги, произошедшие в немецкой деревне после 1945 года.

Старейший немецкий пролетарский писатель, 66-летний Ганс Мархвица, с энтузиазмом молодого литератора работает над романом, которого с нетерпением ожидают читатели его книг. Новое произведение, большая часть которого уже написана, сюжетно связано с предыдущими книгами писателя. В нем повествуется о жизни героев прежних книг — «Кумяки» и «Возвращение Кумяков» — в наши дни, об их работе и творчестве как граждан первого в истории немецкого государства рабочих и крестьян. Другой представитель старшего поколения писателей Германии, более четверти века назад связавший себя с коммунистическим движением, Людвиг Ренн также занят активным творческим трудом. Автор широко известных романов «Война», «После войны», «Людок дворянства», «Мексиканский рассказ» и других произведений сейчас работает над автобиографической книгой.

«Чудодей» — так назвал Эрвин Шприттматтер свою новую книгу. Как и ранее, в романах «Погодишь выков» и «Тинко» и в пьесе «Кочаши ров», писатель свое новое произведение посвящает жизни людей деревни в ГДР. В романе «Чудодей» он выступает против предрассудков, разоблачает пережитки прошлого в сознании людей.

Но жизнь в непрерывном страхе противна самой человеческой природе. Невыносимо постоянно чувствовать себя под дамокловым мечом. Миллионы людей хотели бы взирать в будущее с надеждой и уверенностью. Это естественное стремление признавали и принимают во внимание крупнейшие государственные деятели, в том числе и американские. В известной Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем 15 лет назад на борту военного корабля, в частности, выражалась надежда, что после уничтожения нацистской тирании и установления мира люди во всех странах «во всю свою жизнь не будут знать страха». Что касается США, то надежда покойного президента не оправдалась. В этом не повинны ни простые американцы, ни другие народы. Страх сеют те, кому нужна гонка вооружений. Если бы гонка вооружений прекратилась, люди облегченно перевели дух. Что же касается учителя танцев Артура Мюррея, который пока что тоже делает свой микробизнес на нервозности соотечественников (1 доллар за получасовой урок), то он от такой перемены ничего не прогадает, скорее наоборот. Он изменит текст рекламы на «Вы повеселитесь! — Танцуйте!», — и эффект превзойдет все его ожидания.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Международная почта

СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП?..

ГАМБУРГСКИЙ журнал «Дер шпигель» опубликовал в сентябре сообщение из Бонны под выразительным заголовком «Гражданская война». Оно довольно ясно показывает, на что направлены усилия политиков из Бонны и Вашингтона. Приводит полностью это лаконичное сообщение:

«Из кругов американской военной миссии в Бонне стало известно, что министерство обороны США изучает вопрос о возможности гражданской войны в Германии, наподобие того, как это было в Корее. В то время как федеральный канцлер Аденауэр придерживается мнения, что для победоносного окончания подобного конфликта нужно иметь — это и запланировано — вооруженные силы по меньшей мере в 500 000 человек, американский генеральный штаб считает, что 300 000 профессиональных германских солдат достаточно для полного разгрома народной армии советской зоны» (так реакционная пресса именует Германскую Демократическую Республику).

Так вот какие черные замыслы скрываются за многословными рассуждениями об «объединении Германии в условиях мира и свободы», к которым лобят прибегать боннские деятели! Сообщение журнала «Дер шпигель», хотели того его издатели или не хотели, сорвало маску, разоблачило западногерманские круги, вынашивающие тайные планы развязывания братоубийственной войны и «разгрома народной армии» ГДР. Но этим воинственно настроенным господам уместно напомнить слова старой песни:

«Гладко вышло на бумаге,
Да забили про овраги,
А по ним ходить...»

ОЧЕРЕДНАЯ КЛЕВЕТА

ЗНАПОСИТЕ у любого человека, чем знаменита комиссия по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей конгресса США, и он, не задумываясь, ответит: «Охотой за ведьмами».

Ныне доблывшим охотникам стали тесны границы Соединенных Штатов. Они решили развернуть свой промысел в международном масштабе. Более года «разборная» комиссия, возглавляемая Фрэнсисом Е. Уолтерсом, материалы развращенной во всемирной кампании протеста против осуждения американским судом и казни на электрическом стуле молодых ученых, супругов Этель и Юлиуса Розенбергов, ложно обвиненных в атомном шпионаже. Недавно комиссия опубликовала доклад на 137 страницах.

В «деле Розенбергов» прогрессивное человечество увидело очередную попытку ступить атмосферу страха, взаимных подозрений и военной истерии. В адрес американских властей послана тысяча писем со всех концов света, от людей самых различных взглядов и убеждений с требованием освободить Розенбергов. Многочисленные петиции убеждали президента США осуществить свое право помилования, отменить смертный приговор, незаконно вынесенный судом. Но — тишина.

Прошло три года, а возмущение, вызванное казнью Розенбергов, не затихло. По признанию комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, «даже в Америке» следы, оставленные кампанией в защиту Розенбергов, «далеко еще не стлались».

Вероятно, желание «сгладить следы» и заставило комиссию взяться за поиски виновников их появления. В докладе, как сообщает американская газета «Нью-Йорк таймс», называется «виновники». Оказываются, «чуждовинские кампания» в защиту Розенбергов организовали коммунисты с целью «очернить имя Америки во всем мире». Комиссия снова применила свой излюбленный метод — всегда и во всем винить коммунистов.

Клевета эта даже не чудается в опровержении — настолько глупа она. Коммунисты, как и все честные люди, действительно протестовали против казни Розенбергов. Но опровержение на этом основании всех протестовавших «красными», чтобы дискредитировать кампанию, — глупость, достойная лишь «охотников за ведьмами». Сама же комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в своем «докладе» вынуждена признать, что в защиту Розенбергов выступили многие, весьма далекие от коммунистов люди, в том числе покойный Альберт Эйнштейн, один из создателей атомной бомбы Гарольд С. Юри, глава католической церкви папа римский.

Опубликовав заведомую выдумку, «охотники за ведьмами» еще раз выставили себя на посмешище.

— Ну, а теперь поговорим!..
Рисунок художника Вердини из итальянского журнала «Вие нуове»

ПОЧЕМУ ЗАКРЫЛАСЬ «ПОПОЛО ДЕЛЬ ВЕНЕТО»

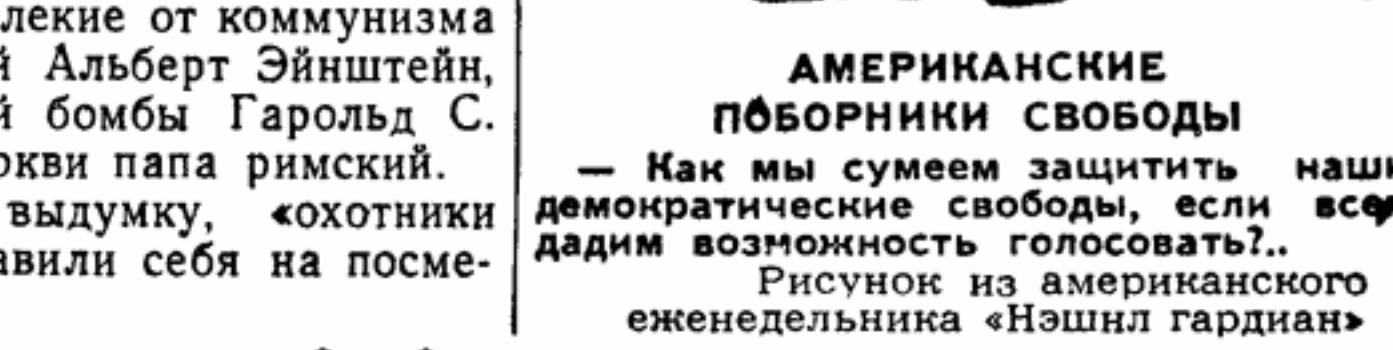
ПЕРЕСТАЛА выходить еженедельная газета «Пополо дель Венето». Этот факт сам по себе, пожалуй, не привлечет внимания, разве мало случаев, когда, не выдержав конкуренции, задавленные долгами, газета прекращает свое существование? Но не таковы обстоятельства, роковым образом сказавшиеся на судьбе «Пополо дель Венето». Эта газета была официальным органом венецианской областной организации христианско-демократической партии, самой крупной партией Италии. Совершенно понятно, что дело не в недостатке средств.

Последние два года газета «Пополо дель Венето» выступала за отказ от старой политики. Она призывала к активному содействию разрядке международной напряженности и к такой внутренней политике, которая обеспечила бы обновление и прогресс страны. Словом, газета высказывалась за осуществление, как говорят в Италии, сдвига влево, что отвечало бы чаяниям подавляющего большинства народа.

Но оказалось, что подобная позиция расходит с позицией центрального руководства христианско-демократической партии и газету решили закрыть. Был устранен старший редактор Дороти и назначен новый. Однако и новый редактор, Вистози, не оправдал надежд руководства партии.

Он заявил, что газета не изменит «сделанному ею выбору». Тогда на помощь поспешило духовенство. В Парламент Венеции кардинал Ронкалли и пять епископов области осудили газету «Пополо дель Венето» и «посоветовали» католикам не читать и не распространять ее. Орган венецианской курии — газета «Воче ди Сан Марко», комментируя выступление этих представителей католической церкви, радостно заявила, что «слово епископов, точное и своевременное, раздалось, чтобы вновь призвать на правильный путь тех, кто свернул с него...». Таким образом, призывы к разрядке и социальному прогрессу рассматриваются как некое заблуждение.

Поход руководства христианско-демократической партии против «Пополо дель Венето», завершившийся закрытием газеты, говорит о многом. И прежде всего он показывает, какие препятствия воздвигаются перед демократически настроенными представителями этой партии, выступающими за мир и прогресс.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОБОРНИКИ СВОБОДЫ
— Как мы сумеем защитить наш демократический свободы, если всеядим возможность гомосексуальности?
Рисунок из американского еженедельника «Нэшнл гардиан»

НАЦИСТСКИЕ БАРАБАНЩИКИ

Что ни страница, то открытая фашистская пропаганда! Тут и призыв к «борьбе за сохранение чистоты германской крови и души германского народа», тут и открытый путь к новому аншлюсу: «Гренцмарк — Остмарк (так гитлеровцы называли захваченную ими Австрию. — Ред.) вовсе не проблема, а будет утешительной и прочной реальностью».

«Гренцмарк» и другие фашистские издания предлагают своим единомышленникам запомнить, что у запроклетанной ими «Остмарк» та же миссия, что и при Гитлере: «борьба против панславизма и большевизма» — против СССР и стран народной демократии. Ясно, что при таких агрессивных планах неонацистские реваншисты в штыки принимают политику нейтралитета, которую Австрия обязалась проводить и которая с их точки зрения не что иное, как «эковарство ради чужих (!) интересов».

Активность фашистских элементов в Австрии не ограничивается печатной пропагандой. Руководители фашистского союза молодежи «Юнге камерадшафт» уже ведут речь о «боевой политической организации», которой будет «доверен также склад оружия». Не секрет, что неонацистские группировки кое-кем щедро снабждаются. Может быть, и это все происходит по «недостоту» тех, кому в Австрии положено присматривать за фашистскими последышами?

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Страх как кормилец

Не так давно в американском журнале «Зис унк» промелькнула реклама, на которой была изображена танцовщица парочка. Из текста явствовало, что парочка отплавывает от хорошей жизни. «Нервничаете?» — уверенно спрашивает реклама и тут же дала совет: «Танцуйте!». Это, конечно, пустяк, мелочь, но мелочь красочная. Учитель танцев Артур Мюррей, опубликовавший рекламу, хорошо знает, как заманить соотечественников посещать его уроки.

Да, американцы нервничают. Это факт, который широко признают они сами. Признают, анализируют и, самое важное, начинают доказывать до причин и корней такого странного положения, при котором тысячи жителей одной из крупнейших стран мира испытывают унизительную дрожь в коленках. Конечно, переломные люди Америки давно понимали, кто и зачем сеет страх. Но сейчас начинает прозревать даже обыватель. Это знаменательное явление! Даже обыватель надолго существование премудрого писателя: обезумев от страха, сидеть в норе и дрожать.

Журнал «Сатердей ревью» числится в списках благонадежных изданий. К подвизам элементам кастышества не имеет. Тем не менее недавно он поместил примечательную статью под названием «Страх как оружие». Точнее ее можно было бы назвать «Страх как кормилец». Вот краткое содержание статьи.

торые привели к тому, что большая часть коек в наших больницах и психиатрических лечебницах занята мужчинами и женщинами, являющимися незлечимыми сумасшедшими или страдающими от серьезных психических заболеваний».

Что же довело этих людей до койки психиатрической лечебницы? «Ужас и страх перед будущим», отвечает «Сатердей ревью», — превратились в признанный американский порок».

Правильно поставив диагноз, автор не сразу нацеливает возбудителя болезни. Сначала он указывает на американскую прессу как на виновника. «Разными способами», — пишет журнал, — нам внушают страх и заставляют смотреть с ужасом в будущее. Ответственность за это в некоторой степени лежит и на американской прессе. Опубликование дурных новостей обеспечивает лучшее распространение, чем опубликование хороших. Журналист должен выводить еженедельные и еженедельные шок-шоу. Если же месяцем позже он обнаруживает, что переселил, то он не отступает, а лишь выдвигает перспективу новой катастрофы».

Катастрофа, коей американская печать много лет пугает американского обывателя, — это «коммунистическая опасность». «Сатердей ревью» не в состоянии далее перенести шипения этой заграничной лестицы. С возмущением журнал заявляет: «Пророки, предсказывающие всеобщую катастрофу, оказались несостоятельными. Но нам все еще говорят — и делают это несмотря на понимание того, что Россия не хочет участвовать в мировой войне, — что мы все еще должны жить под бременем опасностей и страхов».

Впрочем, журнал понимает, что в конце концов печаль — это нечто вроде гигантской трубы, из которой кто-то умышленно исторгает звуки, леденящие душу американского обывателя. Но кто же? И здесь

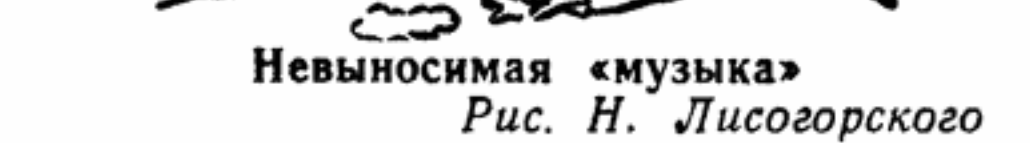
Невыносимая «музыка»

«Сатердей ревью» наконец-то подходит вплотную к истине: «Наши военные и политические лидеры, по-видимому, опасаются, что, если мы освободимся от внушаемого нам страха, мы перестанем отдавать миллиарды долларов на подкуп других стран и прекратим поставки нашего вооружения и солдат. Следует, однако, признать, что американский народ не настолько малодушен, как к нему пытаются представить в искусственном страхе».

Серьезное и, главное, вполне обоснованное обвинение бросает журнал власти инициум своей страны! Конечно, для полноты картины надо было упомянуть и военнопромышленников, для которых война — мать родная, а страх — кормилец, но для буржуазного журнала и так сказано предостаточно. В свидетели обвинения «Сатердей ревью» мог бы взять таких авторитетов, как, скажем, британский фельдмаршал Монтгомери или американский конгрессмен Уттенри. Последний подметил, о чем и заявил без всяких стеснений, что морское министерство США всякий раз «видит» танцевальную позаднюю лодку у берегов Калифорнии, когда обсуждается законопроект о военных ассигнованиях. А фельдмаршал Монтгомери, встревоженный перспективой распада Северо-Атлантического союза, пожаловался «Нелегко поддерживать солидарность, если нет страха». Фельдмаршалу тоже позарез нужен страх.

Но жизнь в непрерывном страхе противна самой человеческой природе. Невыносимо постоянно чувствовать себя под дамокловым мечом. Миллионы людей хотели бы взирать в будущее с надеждой и уверенностью. Это естественное стремление признавали и принимают во внимание крупнейшие государственные деятели, в том числе и американские. В известной Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем 15 лет назад на борту военного корабля, в частности, выражалась надежда, что после уничтожения нацистской тирании и установления мира люди во всех странах «во всю свою жизнь не будут знать страха». Что касается США, то надежда покойного президента не оправдалась. В этом не повинны ни простые американцы, ни другие народы. Страх сеют те, кому нужна гонка вооружений. Если бы гонка вооружений прекратилась, люди облегченно перевели дух. Что же касается учителя танцев Артура Мюррея, который пока что тоже делает свой микробизнес на нервозности соотечественников (1 доллар за получасовой урок), то он от такой перемены ничего не прогадает, скорее наоборот. Он изменит текст рекламы на «Вы повеселитесь! — Танцуйте!», — и эффект превзойдет все его ожидания.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Невыносимая «музыка»
Рис. Н. Лисоварского